

Джеральд Даррелл

МОЯ
СЕМЬЯ
И
ДРУГИЕ
ЗВЕРИ

Большой роман

Джеральд Даррелл

Моя семья и другие звери

«Азбука-Аттикус»

1956

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Моя семья и другие звери / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус», 1956 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-14546-7

«Моя семья и другие звери» – это «книга, завораживающая в буквальном смысле слова» (Sunday Times) и «самая восхитительная идиллия, какую только можно вообразить» (The New Yorker). С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоуренса Даррелла – будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз – в 2016 году, когда британская компания ITV выпустила первый сезон сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»). Роман публикуется в новом (и впервые – в полном) переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14546-7

© Даррелл Д., 1956
© Азбука-Аттикус, 1956

Содержание

Речь защитника	7
Часть первая	9
Миграция	10
1	13
2	19
3	25
4	32
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джеральд Даррелл

Моя семья и другие звери

Gerald Durrell

MY FAMILY AND OTHER ANIMALS

Copyright © Gerald Durrell, 1956

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.

Серия «Большой роман»

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. Таск, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моей матери

Но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности – результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

Уильям Шекспир. Как вам это понравится
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Речь защитника

В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!

Белая королева в «Алисе в Стране чудес»

(Перевод Н. Демуровой)

Это рассказ о пятилетнем пребывании всей моей семьи на греческом острове Корфу. Он задумывался как описание местной природы, с ностальгическими нотками, но я совершил большую ошибку, представив моих близких на первых же страницах. Закрепившись на бумаге, они принялись захватывать пространство и приглашать самых разных друзей, чтобы разделить с ними главы этой книги. Лишь с огромным трудом и всяческими ухищрениями мне удалось сохранить отдельные страницы, посвященные исключительно животным.

Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли – девятнадцать, Марго – восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно уточнил: она вдова, – поскольку, как она весьма пронизательно заметила, мало ли о чем люди могут подумать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, наблюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем «Британская энциклопедия», мне пришлось сокращать, упрощать и перемещать материал, в результате чего от первоначальной последовательности событий мало что осталось. А еще я был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольствием бы описал.

Сомневаюсь, что эта книга была бы завершена без помощи и горячей поддержки следующих людей. Упоминаю же я об этом для того, чтобы было на кого переложить вину. Итак, моя благодарность:

Доктору Теодору Стефанидису. С характерным великодушием он позволил мне использовать наброски для своей неопубликованной работы, посвященной Корфу, и подкидывал мне убойные каламбуры, часть из которых я пустил в ход.

Моим домашним, которые, сами того не желая, поставляли мне необходимый материал и оказывали неоценимую помощь при написании книги тем, что всё яростно оспаривали, почти никогда не соглашаясь с тем или иным фактом, насчет которых я с ними советовался.

Моей жене, радовавшей меня гомерическим хохотом во время чтения рукописи, после чего следовало признание, что это ее так забавляли мои орфографические ошибки.

Моей секретарше Софи, ответственной за вставленные запятые и безжалостно удаляемые расщепленные инфинитивы.

Я хотел бы выразить особое признание моей матери, которой посвящена эта книга. Подобно доброму, энергичному, чуткому Ною, она провела свой ковчег с чудаковатым потомством по бурным житейским волнам, проявив величайшую сноровку и постоянно сталкиваясь с возможным бунтом на корабле, то и дело рискуя сесть на мель перерасходов и излишеств, без всякой уверенности, что ее навигационные способности будут одобрены командой, зато прекрасно понимая, что все шишки свалятся на нее, если что-то пойдет не так. То, что она выдержала это испытание, можно считать чудом, а она его выдержала и, больше того, сумела при этом сохранить рассудок. Как справедливо говорит мой брат Ларри,

мы можем гордиться тем, как мы воспитали нашу мать; она делает нам честь. Она обрела состояние счастливой нирваны, когда уже ничто не может повергнуть в шок или удивить, что доказывает хотя бы недавний пример: на выходные, когда она была одна в доме, неожиданно доставили сразу несколько клетей с двумя пеликанами, ярко-красным ибисом, грифом-стервятником и восемью обезьянами. При виде такого контингента более слабый смертный, скорее всего, дрогнул бы, но только не моя мать. В понедельник утром я нашел ее в гараже, где за ней гонялся разгневанный пеликан, которого она пыталась накормить консервированными сардинами.

– Дорогой, как хорошо, что ты пришел. – Она уже задыхалась. – Этот пеликан как-то не очень охотно идет на общение.

На мой вопрос, почему она решила, что это *мои* подопечные, последовал ответ:

– Дорогой, кто ж еще мог прислать мне пеликанов?

Это показывает, насколько хорошо она знала по крайней мере одного члена семьи.

Напоследок хочу подчеркнуть, что все анекдоты об острове и островитянах не вымышленные. Жизнь на Корфу чем-то похожа на яркую комическую оперу. Атмосферу и очарование этого места, мне кажется, довольно точно отражала наша карта, выпущенная британским Адмиралтейством; на ней были показаны в деталях остров и соседние береговые линии. А ниже, в рамочке, примечание:

Поскольку буйки, которыми отмечено мелководье, часто оказываются не на своих местах, морякам, заходящим в эти воды, следует проявлять бдительность.

Часть первая

*Быть сумасшедшим – в этом есть услада,
Что введома одним лишь сумасшедшим.
Джон Драйден. Испанский монах. II, 2*

Миграция

Колочий ветер задул июль, как жалкую свечу, и пригнал свинцовое августовское небо. Зарядила игольчатая жалящая морось, которая при порывах ветра гуляла туда-сюда матово-серой простыней. На побережье Борнмута пляжные кабинки обращали свои бесстрастные деревянные лица к серо-зеленому, пенно-гребешковому морю, жадно накатывавшему на бетонный мол. Чайки обрушились на город и на своих напрягшихся крыльях носились над крышами домов с жалобными стонами. Эта погодка станет испытанием для кого угодно.

В подобный день моя семья в целом производила не слишком благоприятное впечатление, поскольку такая погода приносила с собой обычный набор болезней, которым все мы были подвержены. После того как я, лежа на полу, наклеивал метки на коллекцию ракушек, я подхватил простуду, мгновенно забившую, словно цементом, всю носовую полость, так что приходилось с хрипом дышать открытым ртом. Мой брат Лесли, съездившийся жалкой тенью у горящего камина, страдал воспалением среднего уха, и из ушей у него постоянно сочилась какая-то жидкость. У моей сестры Марго повысыпали новые прыщи на лице, которое и без того напоминало красную вуалетку. У матери разыгрался сильный насморк и приступ ревматизма в придачу. И только мой старший брат Ларри был как огурчик, если не считать того, что его раздражали наши недомогания.

С него-то все и началось. Остальные были слишком вялые, чтобы размышлять еще о чем-то, кроме своих болезней; Ларри же был задуман самим Провидением как такой мини-фейерверк, взрывающийся идеями в чужих головах, после чего он по-кошачьи тихо сворачивался и не брал на себя никакой ответственности за последствия. К вечеру его раздражительность достигла пика. В какой-то момент, задумчиво обведя взглядом комнату, он избрал мать как главную виновницу всех несчастий.

– Почему мы терпим этот мерзкий климат? – неожиданно спросил он и показал на окно, искривленное потоками дождя. – Только посмотри! А еще лучше, посмотри на нас... Марго похожа на тарелку с багровой овсянкой... Лесли слоняется с торчащими из ушей ватными тампонами, как две антенны... Джерри дышит так, словно родился с волчьей пастью... А ты? С каждым днем выглядишь все дряхлее и подавленнее.

Мать оторвалась от фолианта, озаглавленного «Простые рецепты из Раджпутаны».

– Ничего подобного! – возмутилась она.

– Да, – настаивал на своем Ларри. – Ты начинаешь походить на ирландскую прачку... а твои домочадцы могли бы послужить иллюстрациями для медицинской энциклопедии.

Не придумав хлесткого ответа, мама довольствовалась свирепым взглядом, прежде чем снова уткнуться в книгу.

– Нам нужно солнце, – продолжал Ларри. – Лес, ты со мной согласен? Лес?.. Лес... Лес! Лесли вытащил из уха здоровый пучок ваты.

– Что ты сказал? – спросил он.

– Ты видишь! – Ларри победоносно развернулся к матери. – Разговор с ним превратился в стратегическую операцию. Я спрашиваю тебя, как с этим можно жить? Один не слышит, что ему говорят, а слова другого невозможно разобрать. Пора уже что-то сделать. Я не могу сочинять бессмертную прозу в атмосфере мрака и эвкалипта.

– Да, дорогой, – отозвалась мать туманно.

– Нам всем требуется солнце. – Ларри снова решительно зашагал по комнате. – Нам нужна страна, где мы можем *расти*.

– Да, дорогой, это было бы хорошо, – согласилась мать, слушая его вполуха.

– Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он очень хвалит Корфу. Почему бы нам не упаковать чемоданы и не отправиться в Грецию?

– Очень хорошо, дорогой. Если тебе так хочется, – опрометчиво сказала мать. Обычно с Ларри она держалась начеку, чтобы ее потом не поймали на слове.

– Когда? – тут же уточнил он, несколько удивленный такой отзывчивостью.

Поняв, что совершила тактическую ошибку, мать аккуратно положила «Простые рецепты из Раджпутаны».

– Мне кажется, было бы разумно, дорогой, если бы ты поехал сам и подготовил почву, – нашлась она с ответом. – Потом ты мне напишешь, что все устроено, и тогда уже мы все сможем приехать.

Ларри смерил ее уничтожающим взглядом.

– То же самое ты говорила, когда я предложил поехать в Испанию, – напомнил он ей. – А в результате я просидел два нескончаемых месяца в Севилье в ожидании вашего приезда, а ты только и делала, что писала мне пространные письма с вопросами о водостоке и питьевой воде, как будто я какой-нибудь городской служащий. Нет уж, если мы соберемся в Грецию, то все вместе.

– Ларри, ты преувеличиваешь, – в голосе матери зазвучали жалобные нотки. – И вообще, не могу же я вот так взять и поехать. Я должна сначала обустроить дом.

– Обустроить? Господи, ты о чем? Продай его.

– Что ты, я не могу. – Она была в шоке от его предложения.

– Это почему же?

– Я ведь его только купила.

– Вот и продай, пока он еще в нормальном состоянии.

– Дорогой, не говори глупости, – произнесла она твердо. – Исключено. Это было бы безумием.

Короче, мы продали дом и умчались подальше от тоскливого английского лета, как стая перелетных ласточек.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Когда мы на таможне открыли наши чемоданы для осмотра, их содержимое четко отражало характер и интересы каждого. Так, багаж Марго состоял из просвечивающих одеяний, трех книжек о похудании и целой батареи флакончиков с разными эликсирами для выведения прыщиков. Лесли уложил парочку глухих свитеров и брюки, в которые были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка «Сам себе оружейный мастер» и подтекающая бутылка смазочного масла. Ларри взял с собой два чемодана книг и кожаный чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между носильными вещами и томами, посвященными готовке и садоводству. Я прихватил только то, что должно было мне скрасить утомительное путешествие: четыре пособия по естествознанию, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья с гусеницами, грозящими вот-вот превратиться в куколок. Вот так, во всеоружии, мы покинули промозглые берега Англии.

Дождливая и печальная Франция, похожая на рождественскую открытку Швейцария, обильная, шумная и благоухающая Италия промелькнули в окне, оставив смутные воспоминания. Небольшой кораблик отчалил от итальянского каблучка в предзакатное море, и, пока мы спали в душных кабинках, в какой-то момент своего движения по лунной морской дорожке он пересек невидимую разделительную черту и вошел в яркий зазеркальный мир Греции. Видимо, эта перемена постепенно проникла в нашу кровь, потому что мы все проснулись с первыми лучами солнца и высыпали на верхнюю палубу.

Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, отметилось желтым пятном. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной оберткой. Это был Корфу, и мы

напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь остров с горами, словно спящими под сморщенными коричневыми одеялами, а в складках прятались зеленые оливковые рощицы. Вдоль изгибистой береговой линии тянулись пляжи, белоснежные, как бивни слона, с рассыпанными здесь и там вкраплениями золотистых, рыжеватых и белых скал. Мы обогнули северный мыс, являвший собой гладкое ржаво-красное плечо с вырезанными в нем огромными пещерами. Темные волны, поднимая пенный кильватер, понемногу относили его в сторону пещер, и уже там, перед отверстыми зевами, он с жадным шипением распался среди скал. А потом горы постепенно сошли на нет, и взгляду предстало серебристо-зеленое переливающееся море олив и отдельно торчащие черные кипарисы, этикие назидательные указательные пальцы на голубом фоне. Вода в бухтах, на мелководье, была лазоревого цвета, и даже сквозь шум двигателей можно было расслышать доносящийся с берега пронзительно-победный хор цикад.

1

Неведомый остров

Из шумной суетливой таможни мы выбрались на залитую солнцем набережную. Вокруг раскинулся город, уходящий уступами вверх, с хаотично разбросанными пестрыми домами, чьи распахнутые зеленые ставни напоминали крылья ночных бабочек – такой несметный рой. За нами лежал залив, гладкий как тарелка, отливающая нереально огненной синевой.

Ларри быстро шагал с гордо поднятой головой и такой королевской надменностью на лице, что никто не обращал внимания на его росточек, он же бдительно приглядывал за носильщиками, тащившими его чемоданы. За ним поспешал низкорослый крепыш Лесли с затаенной воинственностью в глазах, а дальше трусила Марго со своими ярдами муслина и батареей склянок с примочками. Мать, этакая тихая, забитая миссионерка среди бунтовщиков, против воли дотащилась на поводке у буйного Роджера до ближайшего фонарного столба, где и стояла в прострации, пока он освобождался от избытка чувств, накопившихся за время пребывания в собачьей конуре. Ларри выбрал два изумительно ветхих конских экипажа. В один загрузили весь багаж, а во второй уселся он и недовольно оглядел нашу компанию.

– Ну? – спросил он. – И чего мы ждем?

– Мы ждем нашу мать, – объяснил Лесли. – Роджер нашел фонарный столб.

– О господи! – Ларри принял образцовую осанку и закричал: – Мама, давай уже! Неужели собака не может подождать?

– Иду, дорогой, – отозвалась мать как-то покорно и неискренне, поскольку Роджер не изъявлял никакого желания расстаться с фонарным столбом.

– От этого пса всю дорогу одни хлопоты, – сказал Ларри.

– Не будь таким нетерпеливым, – возмутилась Марго. – Это его природа... К тому же в Неаполе мы прождали *тебя* целый час.

– У меня было расстройство желудка, – холодно заметил ей Ларри.

– У него тоже может быть расстройство желудка, – торжествующе объявила Марго. –

Все одним миром мазаны.

– Ты хочешь сказать, что мы одного поля ягоды.

– Не важно, что я хотела сказать. Вы друг друга стоите.

В этот момент подошла мать, несколько растрепанная, и перед нами встала задача, как поместить Роджера в экипаж. Впервые столкнувшись с таким передвижным средством, он к нему отнесся с подозрением. В конце концов нам пришлось вручную, под отчаянный лай, запихнуть его внутрь, потом, отдуваясь, забраться самим и крепко его держать. Лошадь, напуганная всей этой возней, пустилась рысью, и в какой-то момент мы все устроили на полу кучу-малу, под которой громко постанывал Роджер.

– Хорошенькое начало, – горько посетовал Ларри. – Я рассчитывал, что мы въедем, как король со свитой, и что получилось... Мы появляемся в городе, как труппа средневековых акробатов.

– Дорогой, не продолжай, – сказала мать успокоительным тоном и поправила на голове шляпу. – Скоро мы будем в гостинице.

Под стук копыт и звон колокольчиков наш экипаж въезжал в город, пока мы на сиденьях из конского волоса пытались изображать из себя королевских особ, как того требовал Ларри. Роджер, накрепко прихваченный Лесли, высовывал голову наружу и вращал глазами так, словно был на последнем издыхании. Колеса прогремели по узкой улочке, где на солнце грелись четыре нечесанные дворняги. Роджер весь поджался, смерил их взглядом и

разразился утробной тирадой. Дворняги тотчас оживились и с громким лаем припустили за экипажем. О королевской осанке можно было забыть, так как теперь уже двое удерживали буйного Роджера, а остальные, высунувшись из коляски, всю размахивали журналами и книжками, пытаясь прогнать увязавшую за нами свору. Но это их лишь еще больше распалило, и с каждым поворотом их число только увеличивалось, так что, когда мы выехали на главную улицу, вокруг колес увивалось два с половиной десятка собак, впавших в форменную истерику.

– Кто-нибудь может сделать хоть что-то? – Ларри возвысил голос, чтобы перекрыть этот бедлам. – Это уже похоже на сцену из «Хижины дяди Тома».

– Вот бы сам и сделал, чем других критиковать, – огрызнулся Лесли, воевавший с Роджером.

Тут Ларри вскочил на ноги, вырвал кнут у остолбеневшего возницы и махнул в сторону своры, но промахнулся, да еще задел Лесли по загривку. Тот побагровел и окрысился на брата:

– Совсем, что ли?..

– Случайно, – беззаботно ответил Ларри. – Потерял практику. Давно не держал в руках кнут.

– Ну так, черт возьми, смотри внимательнее. – Лесли был настроен воинственно.

– Дорогой, успокойся, он ведь не нарочно, – вмешалась мать.

Ларри снова взмахнул кнутом и на этот раз сбил ее шляпу.

– От тебя больше неприятностей, чем от собак, – подала голос Марго.

– Поосторожнее, дорогой, – сказала мать, подхватывая шляпу. – Ты можешь кого-нибудь ранить. Ну его, этот кнут.

Но тут экипаж остановился перед входом с надписью «Швейцарский пансион». Дворняги, учуяв, что сейчас они наконец-то посчитаются с этим женоподобным черным песиком, разъезжающим в карете, обступили нас плотным, учащенно дышащим клином. Дверь гостиницы открылась, оттуда вышел старый портье с бакенбардами и бесстрастно уставился на этот уличный бардак. Усмирить и перенести тяжелого Роджера в гостиницу было непростой задачей, и потребовались совместные усилия всей семьи, чтобы с ней справиться. Ларри уже забыл о королевской осанке и даже вошел во вкус. Соскочив на мостовую, он устроил небольшой танец с кнутом, расчищая дорогу от собак, по которой Лесли, Марго, мать и я пронесли вырывающегося ощеренного Роджера. Когда мы ввалились в холл, портье захлопнул за нами дверь и привалился к ней спиной, шевеля усами. Подошедший управляющий разглядывал нас настороженно и одновременно с любопытством. Мать стояла перед ним в съехавшей набок шляпе и с моей банкой с гусеницами в руке.

– Ну вот! – Она довольно улыбнулась, как если бы это был самый обычный визит. – Мы – Дарреллы. Для нас забронированы комнаты, если не ошибаюсь?

– Да, мадам. – Управляющий держался подальше от все еще рычащего Роджера. – На втором этаже... четыре комнаты и балкон.

– Очень мило, – просяла мать. – Тогда, пожалуй, мы пойдем к себе и немного отдохнем перед ланчем.

С поистине королевской грацией она повела все семейство наверх.

Позже мы спустились в просторную мрачноватую столовую с пыльными пальмами в кадках и скособоченными статуэтками. Обслуживал нас все тот же портье с бакенбардами, которому, чтобы превратиться в главного официанта, достаточно было надеть фрак и накрахмаленную манишку, поскрипывавшую, как армия сверчков. Еда была обильная и вкусная, и мы на нее набросились с голодухи. Когда подали кофе, Ларри со вздохом откинулся на спинку стула.

– Кормят сносно, – великодушно похвалил он. – Как тебе, мать, это место?

– Еда, во всяком случае, приличная. – Мать отказалась развивать эту тему.
– Обслуга вроде ничего, – продолжил Ларри. – Управляющий лично передвинул мою кровать поближе к окну.
– Лично я, когда попросил бумаги, помощи от него не дождался, – заметил Лесли.
– Бумаги? – удивилась мать. – Зачем тебе бумага?
– В туалет... она закончилась.
– Ш-ш-ш! – Мать понизила голос. – Пожалуйста, не за столом.
– Ты не обратил внимания. Рядом с унитазом там стоит полная коробочка, – объявила Марго во всеуслышание.

– Марго! – в ужасе воскликнула мать.
– А что такого? Разве ты ее не видела?

Ларри громко хмыкнул.

– Из-за некоторых проблем с городской канализацией, – пояснил он специально для сестры, – эта коробочка предназначена для... э-э... отходов, после того как ты разобралась с естественной нуждой.

Лицо у Марго сделалось пунцовым и выражало одновременно замешательство и отвращение.

– Так это... это... о боже! Я наверняка подхватила какую-нибудь заразу! – взвыла она и в слезах выбежала из столовой.

– Какая антисанитария, – посуровела мать. – Просто мерзко. Ошибиться может каждый, но действительно, так ведь и тифом недолго заразиться.

– Организуй они всё, как надо, не было бы никаких ошибок, – вернулся Лесли к ранее высказанной претензии.

– Пусть так, дорогой, но я не считаю, что это надо обсуждать сейчас. Не лучше ли как можно скорее подыскать отдельный дом, пока мы все не заразились.

В своей комнате полураздетая Марго бутылками выливала на себя дезинфицирующую жидкость, а мать битых полдня периодически проверяла, не проявились ли уже симптомы развивавшихся в ней болезней, в чем Марго даже не сомневалась. Мамино душевное равновесие поколебало то, что дорога, проходившая мимо «Швейцарского пансиона», как выяснилось, вела на местное кладбище. Пока мы сидели на балкончике, мимо нас проходила нескончаемая траурная процессия. Жители Корфу, очевидно, считали, что в оплакивании усопшего самый яркий момент – это похороны, и потому каждая следующая процессия была пышнее предыдущей. В экипажи, декорированные ярдами алого и черного крепа, были впряжены лошади, несшие на себе столько плюмажей и попон, что удивительно, как они еще могли передвигаться. Шесть или семь экипажей везли скорбящих, не сдерживавших своей глубокой печали, а за ними, на своего рода катафалке, ехал покойник в таком большом и роскошном гробу, что он скорее напоминал огромный именинный торт. Были гробы белые с пурпурными, черно-алыми и темно-синими виньетками, были сверкающие черные с изощренной золотой или серебряной отделкой и блестящими медными ручками. Это затмевало все, что я когда-либо видел. Вот, решил я, как надо покидать сей мир: с расфуфыренной конницей, горами цветов и целой свитой пораженных неподдельной скорбью родственников. Перегнувшись через балконные перила, я как зачарованный провожал глазами уплывающие гробы.

Проход очередной процессии под рыдания плакальщиц и постепенно затихающий цокот копыт лишь усиливали волнение нашей матери.

– Это эпидемия! – наконец воскликнула она, нервно поглядывая на улицу.
– Ерунда. Мать, не нагнетай, – беззаботно отмахнулся Ларри.
– Но, дорогой, их так *много*... это противоестественно.
– В смерти нет ничего противоестественного. Все люди умирают.

– Да, но если они мрут как мухи, значит что-то не так.

– Может, их собирают в одном месте, чтобы всех заодно похоронить, – предположил Лесли довольно бесчувственно.

– Не говори глупости, – сказала мать. – Наверняка это как-то связано с канализацией.

В подобных решениях есть что-то нездоровое.

– О боже! – похоронным голосом воскликнула Марго. – Значит, я это точно подхватила.

– Ну что ты, дорогая, совсем даже не обязательно, – несколько туманно изрекла мать. –

Может, это не заразно.

– Какая же это эпидемия, если не заразно, – логично заметил Ларри.

– Короче, – мать отказывалась втягиваться в медицинскую дискуссию, – мы должны все выяснить. Ларри, ты можешь позвонить в службу здравоохранения?

– Вряд ли здесь есть такая служба, – заметил Ларри. – А если даже есть, я сомневаюсь, что они мне скажут правду.

– Не важно, – решительно заявила мать. – Тогда мы отсюда съезжаем. Мы должны найти дом в пригороде, и безотлагательно.

Прямо с утра мы начали поиски жилья в сопровождении отельного гида мистера Билера, толстенького человечка с подобострастными глазами и гладкими от пота скулами. Он вышел из гостиницы в довольно веселом расположении духа, явно не догадываясь о том, что его ждет. Тот, кто не занимался вместе с моей матерью поисками жилья, не может себе представить всей картины. Мы мотались по острову в облаке пыли, и мистер Билер показывал нам одну виллу за другой, во всем разнообразии размеров, расцветок и условий, а мать в ответ решительно мотала головой. Когда ей была показана десятая и последняя вилла в его списке и в очередной раз последовало «нет», несчастный мистер Билер сел на ступеньки и вытер лицо носовым платком.

– Мадам Даррелл, – заговорил он после некоторого молчания, – я вам показал все, что знал, и вам ничего не подошло. Мадам, какие ваши требования? Чем вас не устроили эти виллы?

Мать с удивлением на него посмотрела.

– Вы что, не обратили внимания? – спросила она. – Ни в одной из них не было ванной комнаты.

Мистер Билер так и выпучил глаза.

– Мадам, – он чуть не взвыл от расстройства, – зачем вам ванная комната? У вас же есть море!

В гостиницу мы возвращались в гробовом молчании.

На следующее утро мать решила, что мы возьмем такси и сами отправимся на поиски. Она не сомневалась, что где-то скрывается вилла с ванной. Мы ее уверенности не разделяли, поэтому к стоянке такси на главной площади она вела несколько разгоряченную группу, занятую выяснением отношений. При виде невинных пассажиров таксисты повысыпали из своих машин и налетели на нас, как стервятники, пытаясь друг друга перекричать. Голоса становились все громче и громче, в глазах горел огонь, кто-то вцеплялся в оппонента, и все скалили зубы. А потом они взялись за нас и, кажется, готовы были растерзать. Вообще-то, это была невиннейшая из возможных свар, но мы еще не успели привыкнуть к греческому темпераменту, и складывалось впечатление, что наша жизнь в опасности.

– Ларри, сделай уже что-нибудь! – пропищала мать, не без труда вырываясь из объятий здравенного таксиста.

– Скажи им, что ты пожалуешься британскому консулу. – Ларри пришлось перекрикивать этот шум.

– Дорогой, не говори глупости. – У матери сбилось дыхание. – Просто скажи им, что мы ничего не понимаем.

Марго, тихо закипая, вклинилась в общую массу.

– Мы Англия, – выдала она бурно жестикулирующим таксистам. – Мы не понимать греческий.

– Если этот тип еще раз меня пихнет, он получит от меня в глаз, – буркнул Лесли, наливаясь кровью.

– Ну, ну, дорогой. – Мать тяжело дышала, все еще отбиваясь от водителя, который настойчиво подталкивал ее к своей машине. – Они ведь не желают нам плохого.

И тут всех заставил разом смолкнуть голос, перекрывший этот гвалт, басовитый, громоподобный глас, каким мог бы разговаривать действующий вулкан.

– Эгей! Вам не нужно такой, кто говорит на ваш язык?

Повернув головы, мы увидели старенький «додж», припаркованный у обочины, а за рулем – плотно сбитого коротышку с мясистыми ручищами и дубленой скалящейся физиономией, в лихо заломленной набекрень кепке. Он открыл дверцу, выпростался наружу и вразвалочку направился к нам. Потом остановился и с еще более свирепым оскалом обвел взглядом притихших таксистов.

– Они к вам приставать? – спросил он у матери.

– Нет, нет, – не слишком убедительно заверила она. – Просто нам было сложно понять, о чем они говорят.

– Вам не нужно такой, кто говорит на ваш язык, – повторил новенький. – Народ сякой-такой... извините за грубый слово... родная мама продается. Один минут, я их положу на место.

Он обрушил на водителей такой поток греческого красноречия, что буквально размазал их по асфальту. Расстроенные, злые, они махнули на все рукой, спасовав перед этим уникамом, и разбрелись по своим машинам. Проводив их последней и, судя по всему, убийственной тирадой, он снова обратился к нам.

– Куда вы ехать? – почти воинственно спросил он.

– Вы можете показать нам свободные виллы? – поинтересовался Ларри.

– Без проблема. Я вас отвезти куда угодно. Только сказать.

– Нам нужна вилла с ванной, – твердо сказала мать. – Знаете такую?

Его черные бровищи соединились в узел, характерный для мыслительного процесса, а сам он стал похож на огромную загорелую горгулью.

– Ванные? – переспросил он. – Вам нужна ванные?

– Все, что мы пока видели, было без ванной, – уточнила мать.

– Я знаю виллу, где ванны, – заверил он ее. – Но я не знаю, как большая она для вас.

– А вы не могли бы нам ее показать?

– Без проблема. Садитесь в машины.

Мы все расселись в его просторном автомобиле, он впихнул свой мощный торс в пространство за рулем и включил передачу с ревом, заставившим нас вздрогнуть. Мы неслись по кривым улочкам пригорода, петляя среди навьюченных ослов, телег, кучкующихся крестьянок, бесчисленных дворняг и оповещая всех оглушительным клаксоном. Пользуясь моментом, наш водитель решил поддержать разговор. Обращаясь к нам, он каждый раз выворачивал свою массивную голову назад, и тогда машина начинала мотаться туда-сюда, как пьяная ласточка.

– Вы из Англия? Я так и думать... Англия не могут без ванная... Я имею ванная... Я звать Спиро, Спиро Хакиапулос... Все меня называть Спиро Американец, потому что я жил в Америка... Да, восемь лет Чикаго... Вот почему я имею такой хороший английский... Ехать туда делать деньги... Через восемь лет сказал: «Спиро, деньги уже есть» – и я снова в Греция... привез эта машина... самая хорошая на наш остров... никто не иметь такая машина... Меня знать все английский турист... приезжать сюда и меня спрашивать...

тогда их никто не обмануть... Я люблю англичане... самые такие хорошие... Если бы я не грек, я бы англичанин, видит боги.

Мы промчались по дороге, выбеленной толстым слоем шелковистой пыли, которая поднималась за нами горячими клубами, а вдоль дороги выстроились ошестинившиеся грушевые деревья, этакий забор из зеленых щитов, остроумно поддерживающих друг друга, в пестрой разметке краснощеких плодов. Мы миновали виноградники с низкорослыми лозами, прошитыми изумрудными листочками, и оливковые рощицы с дырчатыми стволами, строившими нам из своих тенистых укрытий удивленные рожицы, и сбивающийся в кучи полосатый, как зебра, сахарный тростник, помахивающий огромными листьями, точно зелеными флагами. Наконец мы с ревом одолели холм, Спиро ударил по тормозам и остановил машину, подняв клубы пыли.

– Приехать. – Он ткнул вперед коротким толстым указательным пальцем. – Эта вилла с ванной комната, как вы просить.

Мать, всю дорогу ехавшая зажмурившись, осторожно открыла глаза и посмотрела. Спиро показывал на пологий склон, у подножия которого мерцало море. Сам холм и окрестные долины были в гагачьем пуху оливковых рощ, поблескивавших, как рыба чешуя, стоило только бризу поиграть листвой. Посередине склона, под охраной высоких стройных кипарисов, угнездилась небольшая клубнично-розовая вилла, как экзотический фрукт в оранжерее. Кипарисы тихо раскачивались на ветру, словно старательно раскрашивали и без того чистое небо в еще более яркие тона к нашему приезду.

2

Клубнично-розовая вилла

Квадратная вилла с розовощеким достоинством возвышалась в маленьком саду. Выцветшая от солнца до салатно-кремового оттенка, краска на ставнях кое-где вздулась и потрескалась. В садике, окруженном высокой изгородью из фуксий, цветочные грядки располагались в сложном геометрическом порядке, выложенные гладкими белыми камушками. Белые мощеные дорожки, не шире грабель, затейливо вились между клумб в виде звезд, полумесяца, треугольников и кругов, не больше соломенной шляпы, и все они буйно заросли одичавшими цветами. С роз облетали гладкие лепестки размером с блюдце – огненно-красные, бледно-лунные, матовые, даже не увядшие; бархатцы, как выводки косматых солнышек, поглядывали за передвижениями в небе своего родителя. Из низких зарослей анютины глазки высовывали бархатные невинные личики, а фиалки печально сникали под своими листочками в виде сердечек. Бугенвиллея, разбросавшая свои шикарные побеги с пурпурно-красными цветами-фонариками поверх балкона, казалось, была там кем-то вывешена перед карнавалом. В темной изгороди фуксий бесчисленные бутоны, чем-то напоминающие балерин, трепетно подрагивали, готовые вот-вот раскрыться. Теплый воздух был пропитан запахами увядающих цветов и тихим, умиротворяющим жужжанием насекомых. Как только мы все это увидели, нам захотелось здесь жить; вилла словно давно ждала нас. Было ощущение обретенного дома.

Спиро, так неожиданно ворвавшийся в нашу жизнь, взял полный контроль над нашими делами. Так будет лучше, объяснил он, поскольку его все знают и он никому не позволит нас обдурить.

– Вы ни о чем не беспокоиться, миссис Даррелл, – заверил он мать со своим обычным оскалом. – Оставить все мне.

Он возил нас по магазинам, где мог битый час собачиться с продавцом, чтобы в результате выбить скидку на пару драхм, то бишь один пенс. Дело не в деньгах, а в принципе, пояснял он нам. Немаловажным фактором было и то, что он, как всякий грек, обожал торговаться. Не кто иной, как Спиро, узнав, что мы не получили денежный перевод из Англии, одолжил нам нужную сумму и лично отправился в банк, где устроил разнос клерку по поводу плохой работы, а то, что бедняга тут вовсе ни при чем, его не остановило. Спиро оплатил наш счет за гостиницу и нанял машину, чтобы перевезти все наши вещи на виллу, и сам же потом отвез нас туда, набив багажник им же закупленными продуктами.

То, что он знал всех на острове и все знали его, как мы вскоре выяснили, не было простым бахвальством. Где бы он ни тормознул, сразу несколько голосов выкрикивали его имя и зазывали его присесть за столик в тени деревьев и выпить кофе. Полицейские, крестьяне и священники, когда он проезжал мимо, приветственно махали ему рукой и улыбались; рыбаки, бакалейщики и владельцы кафе принимали его как брата. «А, Спиро!» – расплывались они так, словно он был непослушным, но всеми любимым ребенком. Они уважали его за воинственную прямоту, а превыше всего их восхищало его типично греческое презрение, помноженное на бесстрашие, в отношении любых проявлений чиновничьей бюрократии. По приезде два наших чемодана с бельем конфисковали на таможне под забавным предлогом, что это товар на продажу. И когда мы переезжали на розовую виллу, мать рассказала Спиро про застрявший багаж и попросила у него совета.

– Божья мать! – прорычал он, весь красный от гнева. – Миссис Даррелл, почему вы мне не сказать раньше? Таможня – это такой бандит. Завтра я вас отвезти и устроить им такое! Они меня хорошо знают. Позвольте, я им всыпать первое число.

На следующее утро он повез мать на таможеню. Мы увязались за ними, не желая пропустить этот спектакль. Спиро ворвался в помещение, как разъяренный медведь.

– Где вещи у этих людей отбирать? – спросил он у толстячка-таможенника.

– Речь об их багаже с товаром? – уточнил чиновник на приличном английском.

– Я об этом и говорить!

– Багаж здесь, – осторожно признал чиновник.

– Мы его забирать, – осклабился Спиро. – Все приготовить.

Он вышел из ангара, чтобы найти носильщика, а когда вернулся, таможенник, взяв у матери ключи, как раз открывал один из чемоданов. Спиро с гневным рыком подбежал и захлопнул крышку, при этом отдавив пальцы несчастному чиновнику.

– Ты зачем открывать, мерзавец?

Таможенник, размахивая ушибленной рукой, запротестовал: дескать, проверять содержимое – это его прямая обязанность.

– Обязанность? – переспросил Спиро с неподражаемым презрением. – Что это? Ты обязан нападать на невиновные иностранцы? Считать их контрабандисты? Это твой прямая обязанность?

Секунду помедлив, Спиро сделал глубокий выдох, подхватил два здоровых чемодана и зашагал к выходу. В дверях он обернулся для добивающего выстрела.

– Я тебя, Христаки, знать как облупленный, так что ты мне не говорить про свои обязанности. Я не забыть, как тебя оштрафовать на двенадцать тысяч драхмы за браконьер. Обязанности у него, ха!

Мы возвращались домой со своим багажом, целехоньким, не прошедшим досмотра, как триумфаторы.

– Эти мерзавцы считать, что они на остров хозяева, – прокомментировал Спиро, похоже даже не догадываясь, что это он так себя ведет.

Однажды взяв бразды правления в свои руки, он к нам пристал как репей. За несколько часов он из водителя превратился в нашего защитника, а уже через неделю он стал нашим гидом, мудрым советчиком и другом. Мы считали Спиро полноправным членом семьи и не предпринимали никаких действий, ничего не планировали без его участия. Он всегда был рядом, громогласный, скалящийся, устраивал наши дела, объяснял, сколько за что платить, не спускал с нас глаз и сообщал матери обо всем, что, по его мнению, ей следовало знать. Тучный, смуглый и страшный на вид ангел, он заботливо приглядывал за нами, как если бы мы были неразумными детьми. Нашу мать он откровенно боготворил и каждый раз, где бы мы ни оказались, громко пел ей осанны, чем вводил ее в крайнее смущение.

– Вы поступать осторожно, – говорил он нам, строя устрашающую физиономию. – Чтобы ваша мать не волноваться.

– Это еще зачем, Спиро? – притворно изумлялся Ларри. – Она для нас ничего хорошего не сделала. Почему мы должны о ней печься?

– Ах, господин Лорри, вы так не шутить, – расстраивался Спиро.

– А ведь он прав, – с серьезным видом поддерживал старшего брата Лесли. – Не такая уж она хорошая мать.

– Не говорить так, не говорить! – рычал Спиро. – Видит боги, если бы у меня такая мать, я бы каждое утро целовать ей ноги.

Словом, мы заняли виллу, и каждый по-своему обустроился и вписался в окружающую среду. Марго, надев откровенный купальник, загорала в оливковой роще и собирала вокруг себя горячих поклонников из местных крестьянских ребят приятной наружности, которые, как по мановению волшебной палочки, появлялись из ниоткуда, если к ней приближалась пчела или нужно было передвинуть шезлонг. Мать сочла необходимым заметить, что, по ее мнению, загорать в таком виде несколько *неблагоразумно*.

– Мать, не будь такой старомодной, – отмахнулась Марго. – В конце концов, мы умираем один только раз.

Это утверждение, столь же озадачивающее, сколь и бесспорное, заставило мать прикусить язык.

Трое здоровых крестьянских парней, обливаясь потом и отдуваясь, полчаса переносили в дом сундуки Ларри под его непосредственным руководством. Один огромный сундук пришлось втаскивать через окно. После того как все было закончено, Ларри весь день распаковывался со знанием дела, а в результате его комната, заваленная книгами, стала абсолютно недоступной. Возведя по периметру книжные бастионы, он засел за пишущую машинку и выходил из комнаты с отсутствующим видом, только чтобы поесть. На второй день, рано утром, он выскочил в сильном раздражении по причине того, что крестьянин привязал осла к нашей живой изгороди и животное с завидным постоянством открывало пасть, издавая долгий тоскливый рев.

– Не смешно ли, спрашиваю я вас, что будущие поколения лишатся моих трудов только потому, что какой-то идиот с мозолистыми руками привязал эту вонючую зверюгу под моим окном?

– Дорогой, – отреагировала мать, – если он так мешает, почему бы тебе не отвести его подальше?

– Дорогая мать, у меня нет времени на то, чтобы гоняться за ослами по оливковым рощам. Я швырнул в него брошюру по теософии – тебе этого мало?

– Бедняжка привязан. Как он может сам освободиться? – сказала Марго.

– Должен быть закон, запрещающий привязывать этих мерзких тварей возле чужих домов. Кто-нибудь из вас уведет его, наконец?

– С какой стати? – удивился Лесли. – Нам же он не мешает.

– Вот в чем проблема этой семьи, – посетовал Ларри. – Никаких взаимных услуг, никакой заботы о ближнем.

– Можно подумать, ты о ком-то заботишься, – заметила Марго.

– Твоя вина, – сурово бросил Ларри матери. – Это ты нас воспитала такими эгоистами.

– Нет, как вам это нравится! – воскликнула мать. – Я их так воспитала!

– Кто-то же должен был приложить руку, чтобы сделать из нас законченных эгоистов. Кончилось тем, что мы с матерью отвязали ослика и отвели его ниже по склону.

А тем временем Лесли распаковал свои револьверы и заставил нас всех вздрагивать, устроив бесконечную пальбу из окна по старой жестянке. После столь оглушительного утра Ларри выскочил из комнаты со словами, что невозможно работать, когда дом содрогается до основания каждые пять минут. Лесли, обидевшись, возразил, что ему необходима практика. Это больше похоже не на практику, а на восстание сипаев, окоротил его Ларри. Мать, чья нервная система тоже пострадала от этого буханья, посоветовала Лесли попрактиковаться с незаряженным револьвером. Тот долго объяснял, почему это невозможно. Но в конце концов с неохотой отнес жестянку подальше от дома; теперь выстрелы звучали приглушеннее, но не менее неожиданно.

Бдительное око матери не выпускало нас из виду, а в свободное время она обживалась на свой лад. Дом благоухал травами и острыми запахами лука и чеснока, кухня заиграла разными горшками и горшочками, среди которых она сновала в съехавших набок очках, бормоча что-то себе под нос. На столике лежала шаткая стопка поваренных книг, в которые она временами заглядывала. Освободившись от кухонных обязанностей, она со счастливым видом перебиралась в сад, где с энтузиазмом полела и сажала и с меньшей охотой стригла и подрезала.

Для меня сад представлял существенный интерес, и мы с Роджером сделали для себя кое-какие открытия. Например, Роджер узнал, что обнюхивать шершня себе дороже, что

достаточно из-за ворот посмотреть на местную собаку, как она с визгом убегает, и что курица, выскочившая из-за живой изгороди и тут же с диким кудахтаньем пустившаяся наутек, является добычей не менее желанной, чем незаконной.

Этот сад при кукольном домике был поистине страной чудес, цветочным раем, где разгуливали доселе мне неведомые существа. Среди толстых шелковистых лепестков цветущей розы уживались крошечные крабоподобные паучки, которые бочком отбегали, стоило только их потревожить. Их прозрачные тельца своим окрасом сливались со средой обитания: розовый, слоновая кость, кроваво-красный, маслянистый желтый. По стеблю, инкрустированному зелеными мошками, сновали божьи коровки, как свежераскрашенные заводные игрушки: бледно-розовые в черных пятнах, ярко-красные в бурых пятнах, оранжевые в черно-серых крапинках. Округлые и симпатичные, они охотились на бледно-зеленых тлей, коих было великое множество. Пчелы-плотники, похожие на мохнатых медвежат цвета электрик, выписывали среди цветов зигзаги с деловито-сытым гудением. Хоботник обыкновенный, весь такой гладенький и изящный, носился над тропками туда-сюда, с суетливой озабоченностью, изредка зависая и мельтеша до серой размытости своими крылышками, чтобы вдруг зарыться длинным тоненьким хоботком в цветок. Среди белых булыжников большие черные муравьи, сбившись в стаю, суетились и жестикулировали вокруг неожиданных трофеев: мертвой гусеницы, лепестка розы или высохшей травинки, усеянной семенами. В качестве аккомпанемента ко всей этой деятельности из оливковой рощи позади живой изгороди из фуксий доносилось неумолчное многоголосие цикад. Если бы жаркое дневное марево умело издавать звуки, они были бы похожи как раз на странные, сродни перезвону колокольчиков, голоса этих насекомых.

Поначалу я был так ошеломлен избытком жизни у нас под носом, что я ходил по саду как в тумане, замечая то одно существо, то другое и постоянно отвлекаясь на бесподобных бабочек, перелетавших через живую изгородь. Со временем, когда я по привычке к насекомым, снующим среди тычинок и пестиков, я научился сосредотачиваться на деталях. Я часами сидел на корточках или лежал на животе, подсматривая за частной жизнью крошечных существ, а рядом с покорным видом сидел Роджер. Так я для себя открыл кучу интересного.

Я узнал, что крабовидный паучок способен менять расцветку не хуже хамелеона. Пересадите такого паучка с ярко-красной розы, где он казался коралловой бусинкой, на белоснежную розу. Если он пожелает там остаться – что чаще всего и происходит, – то постепенно он начнет бледнеть, словно эта перемена вызвала у него анемию, и через пару дней вы увидите белую жемчужинку среди таких же лепестков.

Я обнаружил, что под живой изгородью, в сухой листве, живет совсем другой паук – заядлый маленький охотник, в хитрости и жестокости не уступающий тигру. Он обходил свои владения, поблескивая зрачками на солнце, то и дело останавливаясь, чтобы приподняться на мохнатых лапках и осмотреться. Углядев муху, решившую позагорать, он на миг застывал, а затем со скоростью, сравнимой разве что с ростом зеленого листочка, начинал к ней подбираться, практически незаметно, но все ближе и ближе, иногда беря паузу, дабы проклясть на очередном сухом листе шелковистую дорогу жизни. Подобравшись достаточно близко, охотник застывал, тихо потирая лапки, как покупатель при виде хорошего товара, и вдруг, совершив прыжок, заключал в мохнатые объятия замечтавшуюся жертву. Если такой паучок успевал занять боевую позицию, не было случая, чтобы он остался без добычи.

От всех этих открытий меня распирала радость, которой я должен был поделиться, поэтому я врвался в дом и огорошивал семью известием, что странные извивающиеся черные гусеницы на розах на самом деле никакие не гусеницы, а детеныши божьих коровок, или не менее ошеломляющей новостью, что мухи-златоглазки откладывают яйца на ходулях. Последнее чудо мне посчастливилось наблюдать воочию. Златоглазка ползала по листьям

розы в восхищении от собственных тонких и прекрасных крылышек, играющих на солнце, как зеленые стеклышки, и огромных глаз, словно из жидкого золота. И вот она остановилась и опустила заостренный низ брюшка. Немного так постояв, она задрала хвостик, и из-под него, к моему изумлению, вылезла тонкая нить, похожая на белесый волос. А затем на его конце появилось яйцо. Самочка отдохнула, чтобы снова повторить это шоу, и в результате поверхность розового листа выглядела так, будто на нем вырос целый лес крошечных плаунов. Отложив яйца, она слегка поиграла антеннами и улетела, нарисовав в воздухе своими прозрачными крылышками это такое зеленое марево.

Но, пожалуй, самое замечательное открытие, сделанное мной в этом пестром мире лилипутов, куда я получил доступ, было связано с гнездом уховертки. Я давно мечтал его найти, но мои поиски долго не увенчивались успехом. Поэтому, когда я на него наткнулся, радость моя была чрезвычайной, как если бы я неожиданно получил чудесный подарок. Отколупнув кусок коры, я обнаружил инкубатор, ямку в земле, явно вырытую самим насекомым. Уховертка угнездилась в этой ямке, прикрывая несколько белых яичек. Она сидела на них, как курица на яйцах, и даже не пошевелилась, когда в нее ударил поток света. Сосчитать все яички я не мог, но, сдаётся мне, их там было немного, из чего я заключил, что она еще на завершила кладку. Я аккуратно заложил отверстие корой.

С этого момента я ревниво охранял гнездо. Вокруг него я построил каменный бастион, а в качестве дополнительной меры безопасности написал красными чернилами предупреждение и закрепил его на шесте в непосредственной близости: «АСТАРОЖНО – ГНЕЗДО УХОВЕРТКИ – ХАДИТЕ ПАТИШЕ». Забавно, что без ошибок я написал только два слова, имеющие отношение к биологии. Примерно раз в час я устраивал уховертке десятиминутную проверку. Не чаще – из страха, что она может сбежать из гнезда. Количество отложенных яичек постепенно увеличивалось, а самка, кажется, привыкла к тому, что у нее над головой периодически снимают крышу. Из того, как она дружески поводила туда-сюда своими антеннами, я даже заключил, что она меня уже узнает.

К моему горькому разочарованию, несмотря на все мои усилия и постоянное дежурство, детки вылупились ночью. После всего, что я для нее сделал, могла бы отложить это дело до утра, чтобы я стал свидетелем. Словом, передо мной был выводок крошечных, хрупких на вид уховерток, словно вырезанных из слоновой кости. Они осторожно телепались у матери между ног, а более предприимчивые даже залезали на ее клешни. Это зрелище согревало сердце. Но уже на следующий день гнездо опустело – моя чудесная семейка разбежалась по саду. Позже мне попался на глаза один из того выводка; конечно, он успел подрасти, окреп и покоричневел, но я его сразу узнал. Он спал, свернувшись в чаще из лепестков розы, и, когда я его потревожил, он недовольно задрал свои задние клешни. Приятно было бы думать, что это он так салютует, радостно меня приветствует, но, оставаясь честным перед собой, я вынужден был признать, что это не что иное, как предупреждение потенциальному врагу. Впрочем, я его простил. В конце концов, он был еще совсем крохой.

Я познакомился с дородными крестьянскими девушками, которые два раза в день, утром и вечером, проезжали мимо нашего сада, сидя бочком на понурах, с висящими ушами осликах. Голосистые и пестрые, как попугаи, они болтали и хохотали, трюся под оливковыми деревьями. По утрам они приветствовали меня с улыбкой, а по вечерам перегибались через живую изгородь, осторожно балансируя на спине своего осла, и с той же улыбкой протягивали мне дары – гроздь еще теплого от солнца янтарного винограда, черные, как смола, финики с проглядывавшей здесь и там розоватой мякотью или гигантский арбуз, внутри похожий на розовеющий лед. Со временем я научился их понимать. То, что вначале казалось полной абракадаброй, превратилось в набор узнаваемых звуков. В какой-то момент они вдруг обрели смысл, и постепенно, с запинками, я стал сам произносить отдельные слова, а потом начал их связывать в грамматически неправильные и сбивчивые предложения. Наши

соседи приходили от этого в восторг, как будто я не просто учил их язык, а раздавал им изящные комплименты. Перегибаясь через изгородь, они напрягали слух, пока я рожал приветствие или простейшее замечание, и после успешного завершения они расплывались от удовольствия, одобрительно кивали и даже хлопали в ладоши. Мало-помалу я выучил их имена и родственные связи, усвоил, кто из них замужние, а кто об этом только мечтает, и прочие подробности. Я узнал, где в окрестных рощах находятся их домики, и, если мы с Роджером проходили мимо, нам навстречу высыпала вся семья с радостными восклицаниями, и мне выносили стул, чтобы я посидел под виноградной лозой и поел с ними вместе какие-нибудь фрукты.

Со временем магия острова накрыла нас нежно и плотно, как цветочная пыльца. В каждом дне был такой покой, такое ощущение остановившегося времени, что хотелось одного – чтобы это длилось вечно. Но вот спадал черный покров ночи, и для нас наступал новый день, переливчатый, блестящий, как рождающийся младенец, и такой же нереальный.

3

Тип с розовыми жуками

Утром, когда я просыпался, ставни моей спальни казались прозрачными в золотых полосках от восходящего солнца. В воздухе разливались запах угля из кухонной печи, петушиное кукареканье, далекий собачий лай и неровный меланхоличный перезвон колокольчиков, под который стадо коз гнали на пастбище.

Завтракали мы в саду под невысокими мандариновыми деревьями. Небо, свежее и искристое, еще не набравшее яростной голубизны полудня, было цвета чистого молочно-белого опала. Цветы еще толком не проснулись, съезжившиеся розы окропила роса, ноготки не спешили раскрываться. Завтракали мы неспешно и в основном молча, так как в столь ранний час разговаривать никому особо не хотелось. Но к концу трапезы под влиянием кофе, тоста и сваренных яиц все начинали оживать и рассказывать друг другу о своих планах и спорить по поводу правильности того или иного решения. Я в этих обсуждениях участия не принимал, поскольку отлично знал, чем хочу заняться, и старался расправиться с едой как можно скорее.

– Что ты так все заглываешь? – брюзжал Ларри, осторожно ковыряясь спичкой во рту.
– Ешь с толком, дорогой, – вкрадчиво говорила мать. – Тебе некуда спешить.

Некуда спешить, когда черный комок по кличке Роджер в полной боевой готовности ждет у ворот, нетерпеливо высматривая меня своими карими глазищами? Некуда спешить, когда первые, еще полусонные цикады завозились под оливковыми деревьями? Некуда спешить, когда меня ждет остров, по-утреннему прохладный, яркий, как звезда, открытый для познания? Но едва ли я мог рассчитывать на понимание со стороны домашних, поэтому начинал жевать помедленнее, а дождавшись, когда их внимание переключится на кого-то другого, снова набрасывался на еду.

Покончив с завтраком, я тихо ускользал из-за стола и неспешной походкой направлялся к кованым воротам, где меня поджидал Роджер с вопросительным видом. Мы выглядывали в щелку, откуда была видна оливковая роща.

– А может, не пойдем? – подначивал я Роджера.

В ответ он с категорическим несогласием мотал туда-сюда обрубком хвоста и зазывно тыкался носом в мою ладонь.

– Нет, – говорил я, – давай не сегодня. Вот, кажется, дождь собирается.

Я с озабоченным видом задираю голову к чистому, словно отполированному небу. Роджер, наострив уши, тоже задирает голову и затем переводит на меня умоляющий взор.

– Знаешь, – продолжал я, – это сейчас чисто, а потом как ливанет, так что спокойнее будет посидеть в саду с книжкой.

Роджер в отчаянии клал одну лапу на ворота и, глядя на меня, задирает уголок верхней губы в кривоватом заискивающем оскале, демонстрируя свои белые зубы, а его зад трепетал в крайнем возбуждении. Это была его козырная карта: он знал, что перед его дурацкой улыбкой я не смогу устоять. Перестав его дразнить, я рассовывал по карманам пустые спичечные коробки, брал в руку сачок, ворота со скрипом отворялись и, выпустив нас, затворялись снова, и Роджер пулей улетал в рощу, басовитым лаем приветствуя новый день.

В самом начале моих изысканий Роджер был моим постоянным спутником. Мы вместе совершали все более далекие вылазки, открывая для себя тихие оливковые рощи, которые нужно было обследовать и запомнить, продирались сквозь заросли мирта, облюбованного черными дроздами, заглядывали в узкие лощины, где кипарисы отбрасывали таинственные тени, словно брошенные плащи чернильной расцветки. Роджер был идеальным компаньоном для приключений – ласковым без навязчивости, отважным без воинственности, умным

и добродушно-терпимым к моим выходкам. Стоило мне поскользнуться и упасть, взбираясь по росистому склону, как он тут же подскакивал с фырканьем, похожим на сдержанный смех, быстро меня осматривал и, сочувственно лизнув в лицо, встряхивался, чихал и подбадривал своей кривой улыбочкой. Когда я обнаруживал что-то примечательное – муравейник, или гусеницу на листе, или паука, одевающего муху в шелковые одежды, – он садился поодаль и ждал, пока я не удовлетворю свое любопытство. Если ему казалось, что дело слишком затянулось, он подбирался поближе и сначала жалобно позевывал, а потом глубоко вздыхал и начинал крутить хвостом. Если объект не представлял особого интереса, мы двигались дальше, ну а если это было нечто важное, требовавшее продолжительного изучения, мне было достаточно нахмуриться, и Роджер понимал, что это надолго. Тогда он опускал уши, переставал вертеть хвостом и, отковыляв в соседний куст, растягивался в тенечке и глядел на меня оттуда с видом мученика.

Во время наших вылазок мы познакомились со многими людьми в окрестностях. Например, со странным слабоумным парнем, у него было круглое, ничего не выражавшее лицо, похожее на гриб дождевик. Ходил он в одном и том же: драная рубаха, протертые голубые сержевые брюки, подвернутые до колен, а на голове старенькая шляпа-котелок без полей. Завидев нас, он неизменно спешил навстречу из глубины рощи, чтобы вежливо приподнять свою нелепую шляпу и пожелать нам хорошего дня мелодичным детским голоском, что твоя флейта. Минут десять он стоял, разглядывая нас без всякого выражения, и кивал, если я отпускал какую-нибудь реплику. А затем, снова вежливо приподняв котелок, он исчезал среди деревьев. Еще запомнилась необычайно толстая и веселая Агата, жившая в ветхом домике на вершине холма. Она всегда сидела возле дома, а перед ней веретено с овечьей шерстью, из которой она сучила грубую нить. Хотя ей было далеко за семьдесят, у нее были смоляные блестящие волосы, заплетенные в косички и обмотанные вокруг этаких гладких коровьих рогов – головного украшения, популярного среди пожилых крестьянок. Она сидела на солнце, такая большая черная лягушка в алой косынке поверх коровьих рогов, шпулька с шерстью поднималась и опускалась, крутясь как юла, пальцы споро выдергивали и распутывали мотки, а из широко открытого вислого рта, демонстрирующего сломанные пожелтевшие зубы, раздавалось громкое хрипловатое пение, в которое она вкладывала всю свою энергию.

Именно от нее, Агаты, я узнал красивейшие и сразу запоминающиеся крестьянские песни. Сидя рядом с ней на старом жестяном ведре, с гроздью винограда или гранатом из ее сада в горсти, я пел вместе с ней, а она то и дело прерывала наш дуэт, чтобы поправить мое произношение. Это были веселые куплеты про речку Ванхелию, текущую с гор и орошающую землю, благодаря чему поля дают урожай и сады плодоносят. Мы затягивали любовную песенку под названием «Вранье», кокетливо закатывая глаза. «Зря я тебя учила рассказывать всем вокруг, как я тебя люблю. Все это вранье, одно вранье», – горланили мы, мотая головами. А потом, сменив тон, печально, но живо напевали «Зачем ты меня бросаешь?». Поддавшись настроению, мы тянули нескончаемую литанию, и голоса наши дрожали. Когда мы добирались до последнего душераздирающего куплета, Агата прижимала руки к своим большим грудям, ее черные зрачки подергивались печальной поволокой, а многочисленные подбородки начинали дрожать. И вот отзвучали заключительные и не очень согласованные ноты, она вытирала глаза краем косынки и обращалась ко мне:

– Какие же мы с тобой дурачки. Сидим на солнышке и голосим в два горла. Да еще о любви! Я уже слишком стара, а ты еще слишком юн, чтобы тратить на это свое время. Давай-ка лучше выпьем винца, что скажешь?

А еще мне очень нравился старый пастух Яни, высокий, сутулый, с крючковатым носищем, вроде орлиного клюва, и невероятными усами. Первый раз я его увидел в жаркий день, когда мы с Роджером потратили битый час, пытаясь извлечь зеленую ящерицу из

щели в каменной стене. В конце концов, ничего не добившись, вспотевшие и усталые, мы укрылись под невысокими кипарисами, отбрасывавшими приятную тень на выгоревшую от солнца траву. И, там отлеживаясь, я услышал убаюкивающее позвякивание колокольчиков, а вскоре мимо нас прошествовало стадо коз; они остановились, чтобы впериться в нас своими пустыми желтыми глазищами, и, с презрением проблеяв, поковыляли дальше. Этот легкий перезвон и тихий хруст травы, которую они щипали и пережевывали, совсем меня убаюкали, и, когда следом за ними появился пастух, я уже подремывал. Он остановился и посмотрел на меня пронзительным взглядом из-под кустистых бровей, тяжело опираясь на коричневую палку, когда-то бывшую веткой оливы, и крепко вращая тяжелыми башмаками в ковер из вереска.

– День добрый, – сказал он хрипло. – Вы иностранец... маленький английский лорд?

К тому времени я уже успел привыкнуть к курьезным представлениям местных крестьян о том, что все англичане лорды, а посему признал: да, так и есть. Тут он развернулся и прикрикнул на козу, которая присела на задние ноги и принялась обглаживать молодое оливковое деревце, а затем снова обратился ко мне:

– Вот что я вам скажу, юный лорд. Лежать под этими деревьями опасно.

Я поднял глаза к кипарисам, показавшимся мне вполне безобидными, и спросил его, в чем кроется опасность.

– Под ними можно *сидеть*, – пояснил он, – они отбрасывают хорошую тень, прохладную, как колодезная вода. Но они легко могут вас усыпить. А спать под кипарисом нельзя, ни при каких обстоятельствах.

Он замолчал и стал разглаживать усы, пока не дождался вопроса «Почему?», и только тогда продолжил:

– Почему? Вы спрашиваете, почему? Потому что вы проснетесь другим человеком. Пока вы спите, кипарис запускает корни в голову и вытягивает ваши мозги, и вы просыпаетесь ку-ку, с головой пустой, как свисток.

Я поинтересовался, относится ли это только к кипарису или к другим деревьям тоже.

– Не только. – Старик с угрожающим видом задрал голову вверх, словно проверяя, не подслушивают ли его деревья. – Но именно кипарис ворует наши мозги. Так что, юный лорд, вам здесь лучше не спать.

Он бросил в сторону темнеющих конусов еще один недобрый взгляд, словно вызов – ну, что вы на это скажете? – а затем осторожно стал пробиваться сквозь кусты мирта к своим козам, которые мирно паслись на склоне холма, а их разбухшие вымена болтались, как мешок у волынки.

Я узнал Яни довольно близко, так как постоянно встречал его во время своих походов, а иногда и навещал в его домике, где он угощал меня фруктами, давал разные советы и предупреждал о поджидающих меня опасностях.

Но, пожалуй, самым чудаковатым и загадочным персонажем из всех, кто мне встретился, был мужчина с розовыми жуками. Было в нем что-то сказочное, неотразимое, и наших редких встреч я всегда ждал с нетерпением. Первый раз я его увидел на безлюдной дороге, ведущей в одну из отдаленных горных деревень. Прежде чем его увидеть, я его услышал – он играл переливистую мелодию на пастушьей свирели, иногда прерываясь, чтобы забавно пропеть несколько слов в нос. Когда же он появился из-за поворота, мы с Роджером замерли и уставились на пришельца в изумлении.

Заостренная лисья мордочка с косыми темно-карими глазищами, на удивление пустыми, затянутыми пленочкой, как это бывает на сливе или при катаракте. Приземистый, тщедушный, словно недокормленный, с тонкой шеей и такими же запястьями. Но больше всего поражало то, что было у него на голове: бесформенная шляпа с широченными болтающимися полями, когда-то бутылочно-зеленая, а сейчас крапчатая, пыльная, в винных пят-

нах, тут и там прожженная сигаретами, поля же были утыканы целой гирляндой шевелящихся перьев – петушиных, удоновых, совиных, а еще там торчали крыло зимородка, коготь ястреба и изгвазданное белое перо, некогда принадлежавшее, по всей видимости, лебедю. Рубашка у него была изношенная, потертая, серая от пота, а поверх нее болтался широченный галстук из обескураживающего голубого атласа. Темный бесформенный пиджак в разноцветных заплатках, на рукаве белая ластовица с рисунком из розовых бутонов, а на плече треугольная заплатка в винно-красных и белых горошинах. Карманы пиджака оттопыривались, и из них едва не вываливались расчески, воздушные шары, раскрашенные картинки со святыми, вырезанные из оливкового дерева змеи, верблюды, собаки и лошади, дешевые зеркала, букет из носовых платков и продолговатые витые булочки с кунжутными семечками. Брюки, тоже в заплатках, как и пиджак, спускались к алого цвета *charouhias* – кожаным туфлям с загнутыми носами, украшенными большими черно-белыми помпонами. Этот затейник носил на спине клетки из бамбука с голубями и цыплятами, какие-то загадочные торбы и здоровый пучок зеленого лука-порея. Одной рукой он подносил ко рту свирель, а в другой зажимал десяток суровых ниток, к концам которых были привязаны розовые жуки величиной с миндальный орех, которые посверкивали на солнце золотисто-зелеными бликами и носились вокруг его шляпы с отчаянным утробным жужжанием, тщетно пытаясь избавиться от жестокой привязи. Изредка кто-то из них, устав нарезать безуспешные круги, присаживался на шляпу, но тут же снова взлетал, чтобы участвовать в бесконечной карусели.

Впервые нас увидев, тип с розовыми жуками преувеличенно вздрогнул, остановился, снял свою нелепую шляпу и отвесил глубокий поклон. Роджер до того обалдел от такого повышенного внимания, что разразился этакой изумленной тирадой. Мужчина улыбнулся, снова надел шляпу, поднял вверх руки и помахал мне своими длинными костлявыми пальцами. Явление этого призрака меня позабавило и немного огорошило, но из вежливости я пожелал ему хорошего дня. Он еще раз отвесил нам глубокий поклон. Я спросил, не возвращается ли он с какого-то праздника. Он энергично кивнул и, поднеся к губам свирель, заиграл живую мелодию с приплясами на пыльной дороге, потом остановился и показал большим пальцем через плечо туда, откуда пришел. Он улыбнулся, похлопал себя по карманам и сделал характерные движения большим и указательным пальцем, что в Греции служило намеком на денежное вознаграждение. Тут до меня вдруг дошло, что он немой. Стоя посреди дороги, я начал с ним объясняться, а он мне отвечал с помощью разнообразной и очень выразительной пантомимы. Я спросил, зачем ему розовые жуки, почему они на нитках? В ответ он показал рукой, что они как маленькие дети, а в доказательство раскрутил одну такую нитку над головой, жук тотчас ожил и давай нарезать круги вокруг шляпы, словно планета вокруг солнца. Мужчина просиял и, показав пальцем в небо, раскинул руки в стороны и с низким носовым гудением пробежался по дороге. Это он изображал аэроплан. И, снова изобразив маленьких детей, запустил над собой уже всех жуков, которые разжужжались возмущенным хором.

Устав от пояснений, он присел у обочины и сыграл небольшой пассаж на свирели, прерываясь, чтобы прогундосить эту же песенку. Слов, конечно, нельзя было разобрать, только серию странных мыканий и писков, шедших откуда-то из горла и через нос. Причем все делалось с таким пылом и выразительностью, что ты как-то сразу верил, будто эти нечленораздельные звуки действительно что-то означают. Наконец он убрал свирель в набитый карман, посмотрел на меня задумчиво, скинул рюкзак, развязал его и, к моему изумлению и вящей радости, вытряхнул оттуда прямо на дорогу полдюжины черепах. Их панцири, натертые маслом, блестели, а передние лапы украшали красные бантики. С замедленной основательностью они повысовывали из-под сияющих панцирей головки и лапы и целенаправленно, но без всякого энтузиазма, заковыляли прочь. Я смотрел на них как зачарованный. Особенно мое внимание привлекла кроха величиной с чайную чашку. Она казалась живее

других, глаза яркие, а панцирь светленький – смесь каштана, карамели и янтаря. Удивительно шустрая для черепахи. Я присел на корточки, долго ее изучал и окончательно понял, что домашние примут ее с особым восторгом, может, даже поздравят меня с тем, что я нашел такой прелестный экземпляр. Денег у меня не было, но это ничего не значило, просто я скажу, чтобы он пришел за ними завтра к нам на виллу. Мне даже не пришло в голову, что он может не поверить мне на слово. Достаточно того, что я англичанин, ведь у здешних островитян преклонение перед нашей нацией превосходит всякие разумные границы. Они друг другу не поверят, а англичанину – без вопросов. Я спросил у типа, сколько стоит черепашка. Он растопырил пальцы обеих рук. Но я уже привык к тому, что местные крестьяне всегда торгуются. Поэтому я решительно помотал головой и поднял два пальца, подсознательно копируя его манеру. Он зажмурился в ужасе от такого предложения и, подумав, показал мне девять пальцев. Я ему – три. Он мне – шесть. Я в ответ пять. Он печально и глубоко вздохнул, и мы оба присели, в молчании наблюдая за расползающимися черепахами; они двигались тяжело и неуверенно, с туповатой решимостью малышей-однолеток. Наконец он показал на кроху и снова задрал шесть пальцев. Я показал пять. Роджер громко зевнул – эта бессловесная торговля нагнала на него жуткую скуку. Тип взял в руки черепашку и жестами стал мне объяснять, какой у нее гладкий и красивый панцирь, как прямо вздернута головка, какие остренькие у нее коготки. Но я твердо стоял на своем. Кончилось тем, что он пожал плечами, показал пятерню и протянул мне товар.

Тут-то я и сказал ему, что денег у меня нет, так что пусть приходит завтра на виллу. Он кивнул, как если бы это было само собой разумеющимся. В восторге от своего нового любимца, я уже рвался домой, чтобы продемонстрировать всем свое приобретение, поэтому я поблагодарил типа, попрощался с ним и заспешил по дороге домой. Дойдя до места, где надо было срезать угол, свернув в оливковую рощу, я тормознул, чтобы получше изучить находку. Без сомнения, более красивой черепахи я еще не встречал, и стоила она как минимум вдвое дороже. Я погладил пальцем чешуйчатую головку и бережно положил черепашку снова в карман. Перед тем как начать спускаться с холма, я обернулся. Тип с розовыми жуками устроил посреди дороги маленькую жигу, он раскачивался и подпрыгивал, играя на свирели, а черепахи тяжеловесно и бесцельно ползали туда-сюда.

Наш новый жилец, заслуженно названный Ахиллесом, оказался умнейшим прелестным существом со своеобразным чувством юмора. Сначала мы его привязали за ногу в саду, но, став ручным, он получил полную свободу. Он быстро запомнил свое имя, и стоило его только громко позвать и, набравшись терпения, немного подождать, как он появлялся на узкой мощеной дорожке, шел на цыпочках, жадно вытянув вперед шею. Он любил, когда его кормили: усядется по-королевски на солнышке и принимает из наших рук по кусочку от листа салата или от одуванчика или виноградинку. Он обожал виноград, как и Роджер, и у них постоянно возникало серьезное соперничество. Ахиллес пережевывал виноград, сок тек по подбородку, а Роджер, лежа поодаль, смотрел на него страдальческими глазами, и из его пасти бежала слюна. Хотя он получал свою порцию фруктов, но, кажется, считал, что скармливать такие деликатесы черепахе – значит понапрасну переводить хороший продукт. После кормежки стоило мне отвернуться, как Роджер подползал к Ахиллесу и начинал сладострастно вылизывать его мордочку в виноградном соке. В ответ на такие вольности Ахиллес пытался цапнуть за нос наглеца, когда же это облизывание становилось совсем уж слюнявым и нестерпимым, он с негодующим фырканьем прятался в своем панцире и отказывался оттуда выходить, пока мы не уводили Роджера.

Но больше всего Ахиллес любил землянику. Едва завидев ее, он впадал в форменную истерику, начинал раскачиваться и вытягивать головку – ну, вы меня уже угостите? – и умоляюще на тебя смотрел своими глазками, напоминающими пуговички на обуви. Самую крошечную ягоду он мог проглотить в один присест, так как она была размером с горошину.

Но если ты давал ему крупную, с лесной орех, он поступал с ней так, как никакая другая черепаха. Схватив ягоду и надежно зажав ее во рту, он на максимальной скорости уползал в безопасное, уединенное место среди цветов и там, положив землянику на землю, съедал ее с расстановкой, после чего возвращался за новой порцией.

Помимо тяги к землянике, Ахиллес воспылал страстью к человеческому обществу. Когда кто-то спускался в сад, чтобы позагорать, или почтить, или еще за чем-то, через какое-то время раздавалось шуршанье среди турецкой гвоздики и высывалась сморщенная простодушная мордочка. Если человек садился на стул, Ахиллес подбирался поближе к его ногам и проваливался в глубокий мирный сон с высунутой из панциря головой и лежащим на земле носом. Если же ты ложился на подстилку позагорать, Ахиллес решал, что ты растянулся на земле исключительно с целью доставить ему удовольствие. Тогда он заползал на подстилку с добродушно-плутоватым выражением на мордочке, задумчиво тебя оглядывал и выбирал часть тела, наиболее подходящую для восхождения. Попробуй расслабься, когда тебе в ляжку впиваются острые коготки черепахи, решительно вознамерившейся забраться на твой живот. Если ты его сбрасывал и переносил подстилку в другое место, это давало лишь короткую передышку – угрюмо покружив по саду, Ахиллес снова тебя находил. Эта его манера всех так извела, что после многочисленных жалоб и угроз мне пришлось запереть его всякий раз, когда кто-то из домашних собирался полежать в саду.

Но однажды садовые ворота оставили открытыми, и Ахиллес пропал бесследно. Были организованы поисковые партии, и все те, кто до сих пор открыто угрожал нашей рептилии страшными карами, прочесывали оливковые рощи и кричали: «Ахиллес... Ахиллес... земляника!..» Наконец мы его нашли. Как всегда, гуляя, погруженный в свои мысли, он свалился в заброшенный колодец с полуразрушенными стенами и отверстием, заросшим папоротником. Увы, он был мертв. Ни старания Лесли сделать ему искусственное дыхание, ни попытки Марго затолкать ему в рот земляничку (то есть дать ему то, как она выразилась, ради чего стоило жить) ни к чему не привели, и его останки торжественно и печально были преданы земле в саду – под кустом земляники, по предложению матери. Ларри написал и прочел дрожащим голосом короткое прощальное слово, что особенно запомнилось. И только Роджер несколько подпортил траурную церемонию, так как радостно вертел хвостом, несмотря на все мои протесты.

Вскоре после того, как мы потеряли Ахиллеса, я приобрел у типа с розовыми жуками другого домашнего питомца. Этот голубь совсем недавно появился на свет, и нам пришлось насильно его кормить хлебом в молоке и размоченной кукурузой. Он являл собой жалкое зрелище: перья только пробиваются сквозь красную сморщенную кожу, покрытую, как у всех детенышей, омерзительным желтым пушком, словно обесцвеченным перекисью водорода. С учетом отталкивающей внешности, делавшей его вдобавок одутловатым, Ларри предложил назвать его Квазимодо, и, так как имя мне понравилось, а связанные с ним ассоциации были мне неизвестны, я согласился. Еще долго после того, как Квазимодо научился есть сам и оброс перьями, на голове у него сохранялся этот желтый пушок, что делало его похожим на такого самодовольного судью в детском паричке.

В силу нетрадиционного воспитания и отсутствия родителей, которые бы научили его жизни, Квазимодо убедил себя в том, что не является птицей, и отказывался летать. Вместо этого он всюду разгуливал. Если у него возникало желание залезть на стол или на стул, он стоял рядом с опущенной головой и ворковал до тех пор, пока его туда не сажали. Он всегда с радостью присоединялся к общей компании и даже увязывался за нами на прогулки. Впрочем, от этого пришлось отказаться, поскольку тут было два варианта: или сажать его на плечо с риском испортить одежду, или позволить ему ковылять сзади. Но в этом случае приходилось из-за него замедлять шаг, а если мы уходили вперед, то раздавались отчаянное, умоляющее курлыканье; мы оборачивались и видели бегущего за нами вприпрыжку Квази-

модо, который соблазнительно вилял хвостом и негодуяще выставлял свою переливчатую грудь, глубоко возмущенный нашим коварством.

Квазимодо настаивал на том, чтобы спать в доме; никакие уговоры и распекаания не могли его загнать в голубятню, которую я для него построил. Он предпочитал отдыхать в ногах у Марго. Со временем его пришлось выдворить на диван в гостиную, ибо стоило Марго перевернуться на бок, как он тут же ковылял наверх и с громким нежным воркованием усаживался ей на лицо.

Что Квазимодо птица певчая, обнаружил Ларри. Мало того что он любил музыку, так он еще, похоже, различал вальс и военный марш. Когда звучала обычная музыка, он подбирался поближе к граммофону и сидел с гордой осанкой и полузакрытыми глазами и тихо урчал себе под нос. Но если ставили вальс, он начинал нарезать круги, кланяясь, вращаясь и громко курлыча. В случае же марша – предпочтительно Сузы¹ – он расправлял плечи, выкатывал грудь и печатал шаг, а его воркованье становилось таким глубоким и зычным, что казалось, он сейчас задохнется. Столь необычные действия он совершал исключительно под вальс или военный марш. Но иногда, после затяжной музыкальной паузы, он мог так обрадоваться вновь заработавшему граммофону, что начинал исполнять вальс под марш и наоборот, но потом спохватывался и исправлял свою ошибку.

Однажды, разбудив Квазимодо, мы с огорчением обнаружили, что он нас всех обвел вокруг пальца – среди подушечек лежало блестящее белое яйцо. После этого он уже не сумел толком прийти в себя. Сделался озлобленным, угрюмым, раздраженно клевал любого, кто пытался взять его в руки. Потом он отложил второе яйцо, и это изменило его до неузнаваемости. Он... то есть она становилась все более дикой, обращалась с нами, как с заклятыми врагами, прокрадывалась в кухню за едой, словно опасаясь голодной смерти. Вскоре даже звуки граммофона уже не могли залучить ее в дом. Последний раз я ее видел на оливе – птица с поразительным жеманством курлыкала, изображая из себя смиренницу, а сидевший на соседней ветке здоровущий кавалер переминался и ворковал в совершенном экстазе.

Какое-то время тип с розовыми жуками регулярно заглядывал на нашу виллу с пополнением для моего зверинца: то лягушка, то воробей со сломанным крылышком. Однажды мы с матерью в приливе сентиментальности купили у него всех розовых жуков и, когда он ушел, выпустили их на свободу. Несколько дней от этих жуков не было спасу: они ползали по кроватям, прятались в ванной, а по ночам бились о горящие лампы и сваливались на нас розовыми опалами.

Последний раз я видел этого типа как-то вечером, сидя на холмике. Он явно возвращался с вечеринки, где хорошо нагрузился: шел по дороге, наигрывая на свирели печальную мелодию, и его шатало из стороны в сторону. Я крикнул ему какое-то приветствие, и он от всей души махнул рукой, при этом даже не обернувшись. Перед тем как он скрылся за поворотом, на мгновение четко очертился его силуэт на фоне лавандового вечернего неба, и я хорошо разглядел потертую шляпу с шевелящимися перьями, оттопыренные карманы пиджака и на спине бамбуковые клетки со спящими голубями. А над его головой нарезали сонные круги маленькие розовые пятнышки. Потом он свернул, и осталось только бледное небо с народившимся месяцем, похожим на плывущее серебристое перо, да еще звук свирели, постепенно умирающий в сумерках.

---

¹ Суза, Джон Филип (1854–1932) – американский композитор и дирижер духового оркестра, прозванный «королем маршей».

4

Бушель знаний

Не успели мы толком обжиться на розовой вилле, как моя мать решила, что я совсем одичал и мне нужно дать какое-то образование. Но как это осуществить на уединенном греческом острове? Как всегда, стоило возникнуть проблеме, и тут же вся семья с энтузиазмом взялась за ее решение. У каждого была своя идея, что для меня лучше, и каждый ее отстаивал с таким жаром, что дискуссия о моем будущем превращалась в настоящую свару.

– Куда спешить с учебой? – сказал Лесли. – Он ведь умеет читать, правильно? Освоим с ним стрельбу, а если мы купим яхту, я научу его ходить под парусом.

– Но, дорогой, ему это потом вряд ли пригодится, – возразила мать и как-то туманно добавила: – Ну разве что он пойдет в торговый флот.

– Мне кажется, ему необходимо научиться танцевать, – вступила Марго, – а не то будет расти косноязычный зажатый подросток.

– Ты права, дорогая, но этим можно заняться *потом*. Сначала надо получить основы... математика, французский... и пишет он с ужасными ошибками.

– Литература, вот что ему нужно, – убежденно сказал Ларри. – Хорошая литературная основа. Остальное само собой приложится. Я ему рекомендовал почитать хорошие книжки.

– А тебе не кажется, что Рабле для него немного *устарел*? – осторожно спросила мать.

– Настоящий, классный юмор, – беззаботно отреагировал Ларри. – Важно, чтобы он уже сейчас получил правильное представление о сексе.

– Ты просто помешан на сексе, – чопорно заметила Марго. – О чем бы мы ни спорили, тебе обязательно надо это вставить.

– Ему нужен здоровый образ жизни на свежем воздухе. Если он научится стрелять и управлять яхтой... – гнул свое Лесли.

– Да перестань ты строить из себя святого отца, – заявил Ларри. – Ты еще предложи омовения в ледяной воде.

– Сказать тебе, в чем твоя проблема? Ты берешь этот высокомерный тон, как будто ты один все знаешь, и другие точки зрения ты просто не слышишь.

– Как можно выслушивать такую примитивную точку зрения, как твоя?

– Ну всё, всё, брейк, – не выдержала мать.

– Просто ему отказывает разум.

– Нет, как вам это нравится! – вскипел Ларри. – Да в этой семье я самый разумный.

– Пусть так, дорогой, но пикировка не помогает решению проблемы. Нам нужен человек, который сможет нашего Джерри чему-то научить и будет поощрять его интересы.

– У него, похоже, есть только один интерес, – не без горечи заметил Ларри. – Непреодолимая потребность заполнять любую пустоту какой-нибудь живностью. Я не считаю, что это надо поощрять. Жизнь и без того полна опасностей. Сегодня утром полез в сигаретницу, а оттуда вылетел здоровенный шмель.

– А на меня выскочил кузнечик, – мрачно изрек Лесли.

– Я тоже считаю, что это безобразие нужно прекратить, – заявила Марго. – Не где-нибудь, а на туалетном столике нахожу кувшин, а в нем копошатся какие-то мерзкие твари.

– Он не имеет в виду ничего плохого. – Мать постаралась перевести разговор на мирные рельсы. – Дружочек просто интересуется такими вещами.

– Я бы не возражал против атаки шмелей, если бы это реально к чему-то вело, – сказал Ларри. – Но это всего лишь временное увлечение, и к четырнадцати годам он его перерастет.

– У него это увлечение с двух лет, и пока не видно никаких признаков, что он может его перерасти, – возразила мать.

– Ну если ты настаиваешь на том, чтобы напичкать его всякой бесполезной информацией, то, я полагаю, можно поручить это Джорджу.

– Отличная мысль! – обрадовалась мать. – Почему бы тебе с ним не встретиться? Чем скорее он приступит к делу, тем будет лучше.

Сидя в сгущающихся сумерках у открытого окна, с лохматым Роджером под мышкой, я со смешанным чувством любопытства и негодования слушал, как семья решает мою судьбу. И когда она решилась окончательно, в голове моей мелькнули смутные мысли: а собственно, кто такой этот Джордж и зачем мне вообще нужны эти уроки? Но в сумерках разливались такие цветочные запахи, а оливковые роши так к себе манили своей ночной загадочностью, что я тут же забыл про надвигающуюся угрозу начального образования и вместе с Роджером отправился охотиться на светлячков в кустах ежевики.

Выяснилось, что Джордж – старый друг Ларри, приехавший на Корфу, чтобы здесь сочинять. В этом не было ничего необычного, так как в то время все друзья моего брата были писателями, поэтами или художниками. К тому же именно благодаря Джорджу мы оказались на Корфу – в своих письмах он так расхваливал эти места, что Ларри твердо решил: только там наше место. И вот теперь Джорджа ждала расплата за опрометчивость. Он пришел к нам познакомиться с матерью, и меня ему представили. Мы разглядывали друг друга с подозрением. Джордж, высоченный и очень худой, двигался с разболтанностью марионетки. Его впалое черепообразное лицо частично скрывала заостренная коричневатая бородка и большие очки в черепаховой оправе. Он обладал глубоким меланхоличным голосом и суховатым, саркастическим чувством юмора. Пошутив, он прятал в бороде этакую волчью ухмылочку, на которую никак не влияла реакция окружающих.

Джордж с серьезным видом взялся за дело. Отсутствие на острове необходимых учебников его несколько не смутило, он просто обшарил собственную библиотеку и в назначенный день приволок более чем неожиданную подборку. С твердостью и терпением он начал меня учить азам географии по картам, приложенным к старому изданию пирсовской «Энциклопедии»; английскому – по книгам самых разных авторов, от Уайльда до Гиббона; французскому – по увесистому фолианту под названием «Le Petit Larousse»; а математике – просто по памяти. Но главным, с моей точки зрения, было то, что часть времени мы посвящали естествознанию, и Джордж с особым педантизмом учил меня вести наблюдения и записывать их потом в дневник. Впервые мой интерес к природе, в котором было много энтузиазма, но мало системности, как-то сфокусировался, и я понял, что, записывая свои наблюдения, гораздо лучше все заучиваю и запоминаю. Из всех наших уроков не опаздывал я лишь на уроки по естествознанию.

Каждое утро, ровно в девять, среди олив появлялся Джордж в шортах, сандалиях и огромной соломенной шляпе с потрепанными полями, под мышкой стопка книг, а в руке трость, которую он энергично выбрасывал вперед.

– Утро доброе! Ну что, ученик ждет наставника, трепеща от возбуждения? – приветствовал он меня с мрачноватой ухмылкой.

В небольшой столовой в зеленоватом свете, пробивающемся сквозь закрытые ставни, Джордж методично раскладывал на столе принесенные книги. Одуревшие от тепла мухи вяло ползали по стенам или летали, как пьяные, по комнате с сонным жужжанием. За окном цикады с воодушевлением славили новый день пронзительным стрекотом.

– Так-так, так-так, – бормотал Джордж, скользя длинным указательным пальцем вниз по странице с тщательно продуманным расписанием занятий. – Стало быть, математика. Если я ничего не забыл, мы поставили перед собой задачу, достойную Геракла: выяснить, сколько дней понадобится шести мужчинам, чтобы построить стену, если у троих на это ушла неделя. Помнится, на решение этой задачки мы потратили почти столько же времени,

сколько мужчины на строительство стены. Ну что ж, давай препояшемся и еще раз примем бой. Может, тебя смущает сама формулировка вопроса? Тогда попробуем как-то ее оживить.

Он в задумчивости склонялся над тетрадью для упражнений и пощипывал бородку. А потом своим крупным четким почерком формулировал задачу на новый лад.

– Сколько дней понадобится четырем гусеницам на то, чтобы съесть восемь листьев, если у двух на это ушла неделя? Ну, что скажешь?

Пока я потел над нерешаемой проблемой гусеничных appetитов, Джордж находил себе иное занятие. Он был отменным фехтовальщиком, а в те дни учил местные крестьянские танцы, к которым питал слабость. Так что, пока я бился над решением арифметической задачи, он размахивал в полутемной комнате рапирой или выполнял сложные танцевальные па; все это меня, мягко говоря, отвлекало, и отсутствие у меня способностей к математике я готов объяснить именно его выкрутасами. Даже сегодня положите передо мной простейшую задачу, и в памяти сразу возникнет долговязый Джордж, делающий выпады и пируэты в полутемной столовой. Свои па он сопровождал фальшивым пением, чем-то напоминавшим растревоженный улей.

– Тум-ти-тум-ти-тум... тидл-тидл-тумти-ди... шажок левой, три шажка правой... тум-ти-тум-ти-тум-ти... дум... назад, разворот, присел, привстал... тидл-тидл-тумти-ди... – так он зудел, делая свои шаги и пируэты, как разнесчастный журавль.

Вдруг зуд обрывался, в глазах появлялся стальной блеск, Джордж принимал защитную позицию и делал выпад воображаемой рапирой в сторону воображаемого противника. А затем, с прищуром, посверкивая стеклами очков, гонял противника по комнате, искусно лавируя среди мебели. Загнав его в угол, Джордж начинал кружить-петлять вокруг него, что твоя оса, жаля, насакивая и отскакивая. Я почти видел блеск вороненой стали. И наконец, финал: резкий разворот клинка вверх и в сторону, отбрасывающий рапиру противника, быстрый отскок – и тут же разящий выпад в самое сердце. Все это время я как замороженный наблюдал за ним, напрочь забыв про тетрадь. Математика была не самым успешным из наших предметов.

С географией дела обстояли лучше, так как Джордж умел придать урокам зоологическую окраску. Мы рисовали огромные карты в морщинах горных цепей и вписывали разные достопримечательности вместе с образцами необычной фауны. Так, для меня Цейлон – это были тапиры и чай, Индия – тигры и рис, Австралия – кенгуру и овцы. А на голубых изгибах морских течений появлялись нарисованные киты, альбатросы, пингвины и моржи вместе со штормами, пассатами, обозначениями хорошей и плохой погоды. Наши карты были произведениями искусства. Главные вулканы изрыгали такой огонь и искры, что становилось страшно за бумажные континенты; горные вершины так пронзительно голубели и белели ото льда и снега, что от одного взгляда на них охватывал озноб. Наши бурые, высушенные солнцем пустыни украшались холмиками в виде верблюжьих горбов и пирамид, а наши тропические леса были до того буйные и непролазные, что даже крадущиеся ягуары, вертикальные змеи и угрюмые гориллы с трудом сквозь них продирались, а там, где леса заканчивались, изнуренные туземцы из последних сил рубили нарисованные деревья, делая просеки, кажется, с единственной целью – написать кривыми заглавными буквами «кофе» или «злаки». Наши реки были широкими и синими, как незабудки, в пятнышках каноэ и крокодилов. В наших океанах, там, где они не пенились от яростного шторма или их не вздымала устрашающая приливная волна, нависшая над каким-нибудь затерянным, поросшим лохматыми пальмами островом, кипела жизнь: добродушные киты позволяли себя преследовать галеонам, явно непригодным к плаванию, зато до зубов вооруженным гарпунами; вкрадчивые и такие невинные с виду осьминоги ласково охватывали крохотные лодочки своими длинными щупальцами; за китайской джонкой с желтокожей командой гналась целая стая зубастых акул, а эскимосы в меховой одежде преследовали жирных моржей среди льдов,

густо населенных полярными медведями и пингвинами. Это были живые карты для изучения, высказывания сомнений, внесения поправок; короче, они содержали некий *смысл*.

Наши попытки заняться историей поначалу были не слишком успешными, пока до Джорджа не дошло, что достаточно в эту голую почву посадить отросточек зоологии и побрызгать совершенно посторонними деталями, чтобы пробудить у меня интерес. Так я ознакомился с кое-какими историческими фактами, доселе нигде не изложенными, насколько мне известно. С затаенным дыханием, урок за уроком, я следил за переходом Ганнибала через Альпы. Причина, по которой он отважился на такой подвиг, и его планы на той стороне интересовали меня в последнюю очередь. *Мой* интерес к очень плохому, в моем понимании, организованной экспедиции был связан с тем, что *я знал кличку каждого слона*. Я также знал, что Ганнибал назначил специального человека, чтобы не только кормить слонов и за ними ухаживать, но еще и *давать им в стужу бутылочки с горячей водой*. Сей прелюбопытный факт, кажется, ускользнул от внимания серьезных историков. Почти все исторические книги также умалчивают о первых словах Колумба, когда он ступил на американскую землю: «О боже, смотрите... ягуар!» После такого вступления как можно было не увлечься дальнейшей историей континента? Словом, Джордж, при отсутствии подходящих учебников и при инертности ученика, старался всячески оживить предмет, дабы я не скучал на его уроках.

Роджер, само собой, считал каждое утро потерянным. Но он меня не бросал, а просто спал под столом, пока я корпел над заданиями. Если мне надо было сходить за какой-то книгой, он просыпался, отряхивался, громко зевал и радостно крутил хвостом. Однако, увидев, что я возвращаюсь за стол, он опускал уши и тяжелой походкой уходил в свое укромное место, где снова плюхался со вздохом разочарования. Джордж не возражал против его присутствия, так как пес вел себя хорошо и меня не отвлекал. Но иногда, крепко уснув и вдруг услышав лай крестьянской собаки, Роджер просыпался с хриплым грозным рычанием и не сразу понимал, где он находится. Поймав же наши неодобрительные физиономии, он смущался, вилял хвостиком и робко обводил взглядом комнату.

Какое-то время Квазимодо тоже присутствовал на наших уроках и вел себя вполне прилично, если я ему позволял сидеть на коленях. Так он мог проспять все утро, тихо воркуя. Но однажды я его прогнал, после того как он перевернул бутылочку с зелеными чернилами аккурат посередине великолепной географической карты, которую мы только что закончили рисовать. Понимая, что это вовсе не обдуманый вандализм, я тем не менее не мог побороть раздражения. Целую неделю Квазимодо пытался снова втереться ко мне в доверие, сидя под дверью и призывно курлыча сквозь щелку, но когда я уже был готов сдаться, то ловил взглядом его хвост, видел ужасающее зеленое пятно, и сердце мое твердело.

Ахиллес посетил один из наших уроков, но ему в доме не понравилось. Он все утро блуждал по комнате и скребся то о плинтус, то о дверь. А иногда он застревал и начинал отчаянно елозить, пока его не спасали из-под какого-нибудь пуфа. Маленькая комната была тесно заставлена мебелью, и, чтобы добраться до одного предмета обстановки, надо было практически все передвинуть. После третьей генеральной перестановки Джордж сказал, что он не привык к таким нагрузкам и что в саду Ахиллес будет чувствовать себе гораздо счастливее.

В результате компанию мне составлял один Роджер. Но как ни приятно класть ноги на теплую мохнатую спину, пока ты бьешься над очередной задачей, все равно трудно сосредоточиться, когда солнце пробивается сквозь ставни, рисуя на столе тигровые полосы и напоминая тебе о том, чем ты мог бы сейчас заняться.

За окном же в оливковых рощах пели цикады, в виноградниках по каменным поросшим мхом ступенькам сновали яркие, будто раскрашенные, ящерицы, в зарослях мирта скрыва-

лись насекомые, а над каменистым мысом стаи разноцветных щеглов перелетали с возбужденным посвистом с чертополоха на чертополох.

Когда это дошло до Джорджа, он мудрым решением перенес наши занятия на природу. В какие-то утра он приходил с большим махровым полотенцем, и мы отправлялись через оливковые рощи и дальше по дороге, словно выложенной пропыленным белым бархатным ковром. Затем сворачивали на козью тропу, что тянулась поверх миниатюрных утесов и спускалась к уединенной бухточке, окаймленной полумесяцем из белого песка. Там низкорослые оливы отбрасывали желанную тень. С вершины утеса вода в бухте выглядела совершенно неподвижной и прозрачной, так что легко было усомниться в ее существовании. Над песчаным ребристым дном, казалось, прямо по воздуху плавают рыбки, а на шестифутовой глубине отчетливо просматривались подводные скалы, где актинии пошевеливали хиленькими цветастыми пальчиками и раки-отшельники таскали на себе домики-панцири.

Раздевшись под оливами, мы входили в теплую прозрачную воду и плавали, разглядывая под собой скалы и водоросли, иногда ныряли за добычей: особенно яркой раковинной или гигантским раком-отшельником с актинией на панцире, напоминавшей розовый цветок на шляпе. Здесь и там на песчаном дне росли черные ленточные водоросли, а среди них жили морские огурцы. Шагая по воде и глядя под ноги на спутанные блестящие и узкие водоросли зеленоватого и черного цвета, над которыми мы нависали, как ястребы над незнакомым пейзажем, можно было разглядеть этих, пожалуй, самых отталкивающих существ морской фауны. Около шести дюймов в длину, они выглядели в точности как длинноватые сосиски из толстой коричневой морщинистой кожи – почти неразличимые примитивные существа, лежащие на месте, колыхаемые волной, одним концом всасывающие морскую воду, а другим ее выпускающие. Растительные и животные микроорганизмы фильтруются в этой «сосиске» и обрабатываются в желудке простым механизмом переваривания. Жизнь морских огурцов интересной никак не назовешь. Они тупо переваливаются на песке, втягивая в себя соленую воду с монотонной регулярностью. Трудно поверить в то, что эти жирные существа способны как-то себя защитить и что такая необходимость вообще может возникнуть, однако на поверку они используют любопытный способ выражения своего недовольства. Стоит только вытащить морского огурца, как он выстреливает в тебя морской водой хоть спереди, хоть сзади, и без видимого мышечного усилия. Мы с Джорджем даже придумали игру с этим импровизированным водяным пистолетом. Стоя в воде, мы по очереди выстреливали из него и смотрели, куда падает струя. Тот, у кого в этом месте обнаруживалась более разнообразная морская жизнь, зарабатывал очко. Порой, как в любой игре, эмоции захлестывали, сыпались негодующие обвинения в жульничестве, которые яростно отрицались. Вот тут-то и приходился кстати водяной пистолет. Но потом мы всегда снова укладывали их среди водорослей. И в следующий раз они лежали на том же месте и, скорее всего, в той же позе, только время от времени вяло переворачивались с боку на бок.

Разобравшись с огурцами, мы охотились за морскими раковинами для моей коллекции или вели долгие дискуссии вокруг других представителей местной фауны. В какой-то момент Джордж осознал, что все это, конечно, замечательно, но не является образованием в строгом смысле слова, и тогда мы залегали на мелководье и продолжали наши занятия, а вокруг собирались косяки мелких рыбешек, которые нежно покусывали нас за ноги.

– Французский и британский флот медленно сближались перед решающим морским сражением. Когда наблюдатель заметил корабли противника, Нельсон стоял на капитанском мостике и в телескоп следил за полетом птиц... О приближении французской эскадры его уже по-дружески предупредила чайка... скорее всего, большая черноспинная. Корабли маневрировали как умели... с помощью парусов... тогда ведь еще не было моторов, даже подвесных, и все делалось не так быстро, как сегодня. Поначалу английских моряков испу-

гала французская армада, но, увидев, с какой невозмутимостью Нельсон, сидя на мостике, клеит ярлычки на птичьи яйца из своей коллекции, они поняли, что можно не волноваться...

Море, похожее на теплое шелковое покрывало, тихо раскачивало мое тело. Никаких волн, только это убаюкивающее подводное течение, своего рода морской пульс. Цветные рыбки, заведя мои ноги, вздрагивали, перестраивались, делали стойку и разевали беззубые рты. В изнеможенной от жары оливковой роще цикада о чем-то стрекотала себе под нос.

— ...и тогда Нельсона спешно унесли с капитанского мостика, чтобы никто из команды не догадался о том, что он ранен... Рана была смертельная. Сражение шло полным ходом, когда он, лежа в трюме, прошептал последние слова: «Поцелуй меня, Харди»... и испустил дух. Что? Ну конечно. Он заранее сказал, что если с ним что-то случится, то коллекция птичьих яиц достанется Харди... Хотя Англия потеряла своего лучшего моряка, сражение было выиграно, и это имело важные последствия для всей Европы...

Бухту пересекала белеющая под солнцем лодка, ею управлял стоящий на корме смуглый рыбак в драных штанах, а весло, которым он загребал, мелькало в воде, как рыбий хвост. Он лениво помахал нам рукой. Разделенные голубой гладью, мы слышали, как весло с жалобным скрипом проворачивалось в ключине, а потом с тихим хлопаньем погружалось в воду.

5 Паучий рай

Однажды жарким томным днем, когда, казалось, все спят, кроме неугомонных цикад, мы с Роджером решили проверить, как далеко можно забраться по холмам до наступления сумерек. Миновав оливковые рощи, все в белых полосах и пятнах от слепящего солнца, с перегретым стоячим воздухом, мы забрались выше деревьев, на голую скалистую вершину, и присели отдохнуть. Внизу раскинулся спящий остров с переливающейся морской гладью в дымке испарений: серо-зеленые оливы, черные кипарисы, прибрежные скалы пестрой расцветки и опаловое море, местами бирюзовое, местами нефритовое, в парочке складок там, где оно огибало мыс, поросший спутанными оливами. Прямо под нами раскинулась мелкая, едва голубеющая, почти белая бухточка с ослепительно-белым песчаным пляжем в виде полумесяца. После восхождения я был мокрый от пота, а Роджер сидел с высунутым языком и пеной на усах. Мы решили, что не полезем ни на какие горы, а, наоборот, лучше искупнемся. Так что мы спустились по склону и оказались в безлюдной, тихой бухточке, размлевшей под палящими лучами солнца. Такие же полусонные, мы уселись в теплой воде, и я стал ковыряться в песочке. Наткнувшись на какой-нибудь голыш или осколок бутылочного стекла, вылизанный и отполированный морем до такой степени, что он превратился в настоящий изумруд, зеленый и прозрачный, я протягивал свою находку внимательно наблюдавшему за мной Роджеру. Не совсем понимая, чего я от него хочу, но не желая меня обижать, он осторожно зажимал ее зубами, чтобы через какое-то время, убедившись, что я этого не вижу, выбросить ее обратно в воду со вздохом облегчения.

Потом я обсыхал, лежа на камнях, а Роджер трусил по мелководью и, фыркая, пытался цапнуть за синий плавник хоть одну морскую собачку с надутой, ничего не выражающей мордочкой, но они сновали между камней со скоростью ласточек. Тяжело дыша, не спуская глаз с прозрачной воды, Роджер с предельным вниманием следил за их перемещениями. Окончательно просохнув, я надел шорты и рубашку и позвал своего друга. Он неохотно направился ко мне, то и дело оглядываясь на морских собачек, продолжавших мелькать над песчаным дном, подсвеченным яркими лучами. Приблизившись почти вплотную, он так основательно отряхнулся, что обдал меня настоящим водопадом.

После купания тело мое отяжелело и расслабилось, а кожа как будто покрылась шелковистой корочкой соли. Медленно, в каких-то своих грезах, мы двинулись в сторону главной дороги. Я вдруг почувствовал голод и стал думать, в каком бы из соседних домов мне перекусить. Я постоял в раздумье, поднимая мелкую белую пыль носком ботинка. Если я загляну в ближайший дом, к Леоноре, то меня угостят хлебом с инжиром, но при этом она мне прочитает бюллетень о состоянии здоровья дочери. Ее дочь была хрипатой мегерой с легким косоглазием, она мне решительно не нравилась, и ее здоровье меня совсем не волновало. Я решил не идти к Леоноре. Жаль, конечно, ведь у нее рос лучший в округе инжир, но плата за лакомство была слишком высокой. Если я наведаюсь к рыбаку Таки, то у него сейчас сестра, и я услышу из дома с наглухо закрытыми ставнями раздраженный крик: «Проваливай отсюда, кукурузина!» Христки и его семья, скорее всего, окажутся на месте, но за угощение мне придется отвечать на кучу скучных вопросов: «Англия больше, чем Корфу? Какое там население? Все ли жители лорды? Как выглядит поезд? Растут ли в Англии деревья?» – и так до бесконечности. Если бы сейчас было утро, я бы срезал путь через поля и виноградники и по дороге утолил голод за счет своих щедрых друзей – оливки, хлеб, виноград, инжир, – а после небольшого крюка, пожалуй, заглянул бы во владения Филомены и под конец съел бы хрустящий розовый ломоть арбуза, холодного как лед. Но наступило время сестры, когда крестьяне спят в домах, заперев двери и закрыв ставни. Это была настоящая проблема, и,

пока я над ней ломал голову, голод все сильнее давал о себе знать, я шагал все быстрее и быстрее, пока Роджер протестующе не фыркнул, посмотрев на меня с явной обидой.

Вдруг меня осенило. Прямо за холмом, в зазывно белеющем домике, жил старый пастух Яни с женой. Я знал, что сиесту он проводит в тени виноградника, и, если произведи должный шум, пастух наверняка проснется. А уж проснувшись, он непременно проявит гостеприимство. Не было такого крестьянского дома, где бы тебя отпустили не солоно хлебавши. Ободренный этой мыслью, я свернул на петляющую каменистую тропу, проделанную копытами коз Яни, через холм и дальше вниз, в долину, где красная крыша пастушьего дома смотрелась ярким пятном среди внушительных оливковых стволов. Подойдя достаточно близко, я швырнул камень, чтобы Роджер за ним сбегал. Это была одна из его любимых игр, но, раз начавшись, она требовала продолжения, в противном случае он начинал что есть мочи лаять, пока ты не повторял маневр, только чтобы пес отвязался. Роджер принес камень, бросил его к моим ногам и в ожидании отошел – уши торчком, глаза блестят, мышцы напряжены, к действию готов. Однако я проигнорировал и его, и камень. Удивившись, он проверил, все ли с этим камнем в порядке, и снова на меня посмотрел. Я засвистел какую-то мелодию, поглядывая на небо. Роджер пробно твякнул, а убедившись в том, что я не обращаю на него никакого внимания, разразился громким басовитым лаем, который эхом разнесся среди олив. Я дал ему полаять минут пять. Теперь Яни наверняка проснулся. Наконец я швырнул камень, за которым Роджер бросился на радостях, а сам направился в обход дома.

Старый пастух, как я и думал, отдыхал в драной тени виноградной лозы, обвивавшей высокие железные шпалеры. Но, к моему огромному разочарованию, он не проснулся. А сидел он на простом стуле соснового дерева, наклоненном к стене под опасным углом. Руки висели как плети, ноги вытянуты вперед, а его знатные усы, порыжевшие и поседевшие от никотина и старости, поднимались и подрагивали от храпа, словно необычные водоросли от легкого подводного течения. Толстые пальцы на руках-обрубках дергались во сне, и я разглядел желтоватые ребристые ногти, похожие на оплывы сальной свечи. Его смуглое лицо в морщинах и бороздах, как кора сосны, ничего не выражало, глаза плотно закрыты. Я сверлил его взглядом в надежде разбудить, да все без толку. Приличия не позволяли его растолкать, и я мысленно решал дилемму, стоит ли ждать, когда он сам проснется, или уж смириться с занудством Леоноры, когда из-за дома с высунутым языком и торчащими ушами выскочил потерявшийся Роджер. Увидев меня, он радостно вильнул хвостом и огляделся с видом желанного посетителя. Вдруг он застыл, усы встопорщились, и он начал медленно подходить – ноги напряглись, весь дрожит. Это он увидел то, чего не заметил я: под накренившимся стулом, свернувшись, лежала большая длинноногая серая кошка, которая внаглую разглядывала нас своими зелеными глазницами. Не успел я схватить Роджера, как он бросился на добычу. Одним движением, свидетелем которого я был, кошка пулей долетела до шишковатой лозы, с пьяной расслабленностью обвившейся вокруг шпалеры, и взлетела вверх с помощью цепких лап. Усевшись среди гроздьев светлого винограда, она посмотрела вниз на Роджера и как будто сплюнула. Роджер, совсем озверев, запрокинул голову и разразился угрожающим, можно сказать, изничтожающим лаем. Яни открыл глаза, стул под ним закачался, и он отчаянно замахал руками, чтобы сохранить равновесие. Стул на миг завис в некоторой нерешительности, а затем со стуком опустился на все четыре ножки.

– Святой Спиридон, помоги! – взмолился Яни, и усы у него задрожали. – Не оставь меня, Господи!

Озираясь, чтобы понять причину бучи, он увидел меня, скромно сидящего на стене. Я вежливо и радушно приветствовал его, как будто ничего не случилось, и поинтересовался, хорошо ли он поспал. Яни с улыбочкой поднялся на ноги и сладострастно почесал живот.

– Вот кто шумит так, что у меня чуть не лопнула голова. Ну, будьте здоровы. Садитесь, юный лорд. – Он протер свой стул и пододвинул мне. – Я рад вас видеть. Не хотите со

мною поест и выпить? Вон какой сегодня жаркий день. В такую жару того гляди бутылка расплавится.

Он потянулся и громко зевнул, показав беззубые десны, как у младенца. Потом развернулся к дому и прокричал:

– Афродита... *Афродита*... женщина, просыпайся... пришли иностранцы... здесь со мной юный лорд... Неси еду... Ты меня слышишь?

– Да слышу, слышу, – донесся приглушенный голос из-за закрытых ставень.

Яни крикнул, вытер усы и деликатно скрылся за ближайшим оливковым деревом, откуда снова появился, застегивая штаны и зевая. Он уселся на стену рядом со мной.

– Сегодня я должен был перегнать коз в Гастури. Но слишком уж жарко. В горах камни так раскаляются, хоть сигарету зажигаешь. Вместо этого я пошел к Таки и отведал его молодого белого вина. Святой Спиридон! Не вино, а кровь дракона... пьешь и улетаешь... Ах, какое вино! Когда я вернулся, меня сразу сморило, вот так.

Он издал глубокий вздох, в котором не чувствовалось раскаяния, и полез в карман за потертой оловянной коробочкой с табаком и тонкими серыми бумажными полосками. Его бурая мозолистая рука, сложившись в горсти, собрала немного златолиста, а пальцы другой руки выбрали оттуда щепоть. Он быстро свернул самокрутку, снял лишнее с обеих концов, убрал ненужный табак обратно в коробочку и раскурил сигарету с помощью огромной зажигалки, из которой пламя вырвалось, подобно разъяренной змее. Он задумчиво подымил, удалил из усов ворсинку и снова полез в карман.

– Вы интересуетесь маленькими тварями Господними, так смотрите, кого я утром поймал. Чертыка прятался под камнем. – Он извлек из кармана хорошо закупоренную бутылочку. – Настоящий боец. Насколько я знаю, единственный, у кого жало сзади.

В бутылочке, до краев заполненной золотистым оливковым маслом и похожей на янтарную, в самой середине, поддерживаемый густой жидкостью, лежал забальзамированный шоколадного цвета скорпион с загнутым хвостом, напоминавшим ятаган. Он задохнулся в этой вязкой могиле. Вокруг трупики образовалось легкое облачко другого оттенка.

– Видите? – показал на него Яни. – Это яд. Вон сколько в нем было.

Я полюбопытствовал, зачем надо было помещать скорпиона в оливковое масло.

Яни гоготнул и вытер усы ладонью.

– Эх, юный лорд, с утра до вечера ловите насекомых, а не знаете? – Похоже, я его сильно позабавил. – Ладно, тогда я вам расскажу. Как знать, вдруг пригодится. Сначала надо поймать скорпиона, осторожно, как падающее перышко, поймать и живого – обязательно живого! – посадить в бутылочку с маслом. Он там выпустит яд, немного побулькает и сдохнет. А если один из его братьев вас ужалит – храни вас святой Спиридон! – помажьте укус этим маслом, и все пройдет, как если бы это была обыкновенная колючка.

Пока я переваривал эти любопытные сведения, из дома вышла Афродита с морщинистым лицом, красным, как гранат; в руках она несла оловянный поднос с бутылкой вина, кувшином воды и тарелкой с хлебом, оливками и финиками. Мы с Яни молча ели и пили вино, разбавленное водой до бледно-розового оттенка. Несмотря на отсутствие зубов, Яни отрывал здоровые ломти хлеба, жадно перетирал их деснами и заглывал непережеванные куски, отчего его морщинистое горло раздувалось на глазах. Когда мы закончили, он отвалился назад, тщательно протер усы и возобновил разговор, как будто он не прерывался.

– Знал я пастуха, вроде меня, который отметил сиесту в далекой деревне. По дороге домой его так развезло от выпитого вина, что он решил поспать и улегся под миртом. И вот, пока он спал, к нему в ухо залез скорпион и ужалил его.

Яни взял драматическую паузу, чтобы сплюнуть через стену и свернуть очередную самокрутку.

– Да, – вздохнул он, – печальная история... еще совсем молодой. Какой-то скорпиончик... тюк... и всё. Бедняга вскочил и как безумный стал носиться между олив, раздирая себе голову. Ужас! И рядом не было никого, кто бы услышал его крики и пришел ему на помощь. С этой непереносимой болью он помчался в деревню, но так до нее и не добежал. Рухнул в долине, недалеко от дороги. На следующее утро мы его обнаружили. Страшное зрелище! Голова распухла так, как будто у него мозги были на девятом месяце. Он, конечно, был мертвый. Никаких признаков жизни.

Яни издал глубокий печальный вздох и покрутил пальцами янтарную бутылочку.

– Вот почему я никогда не сплю в горах, – продолжал он. – А на случай, если я с другом выпью вина и забуду об опасности, в кармане у меня лежит бутылочка со скорпионом.

Мы перешли на другие, столь же увлекательные темы, а спустя примерно час я стянул крошки с колен, поблагодарил старика и его жену за гостеприимство и, приняв на прощанье гроздь винограда, зашагал домой. Роджер шел рядом, красноречиво поглядывая на мой оттопыренный карман. Наконец мы забрели в оливковую рощу, полутемную и прохладную, с длинными тенями деревьев, дело-то уже шло к вечеру. Мы сели неподалеку от покрытого мхом склона и поделили виноград на двоих. Роджер слопал его вместе с косточками. Я же поплеывал вокруг и фантазировал, что здесь вырастет роскошный виноградник. Покончив с едой, я перевернулся на живот и, подперев руками подбородок, принялся изучать склон.

Зеленый кузнечик с вытянутой печальной мордочкой нервно подергивал задними лапками. Хрупкая улитка медитировала на мшистой веточке в ожидании вечерней росы. Пухлявый алый клещ величиной со спичечную головку продирался сквозь замшелый лес, как какой-нибудь коротконогий толстяк-охотник. Это был мир под микроскопом, живущий своей удивительной жизнью. Наблюдая за медленным продвижением клеща, я обратил внимание на любопытную деталь. Здесь и там на зеленой плюшевой поверхности мха виднелись следы размером с шиллинг, такие бледные, что заметить их можно было только под определенным углом. Они напоминали мне полную луну, затянутую облаками, такие бледноватые кружочки, которые, казалось, перемещаются и меняют оттенки. Каково их происхождение, задумался я. Слишком неправильные и хаотичные, чтобы быть следами какого-то существа, да и кто мог подниматься почти по вертикальному склону, ступая так беспорядочно? Да и не похоже на следы. Я потыкал стебельком в край одного такого кружка. Никакого шевеления. Может, это мох здесь так странно растет? Я еще раз, уже посильнее, ткнул стебельком, и тут у меня аж схватило живот от возбуждения. Я словно задел скрытую пружину – и кружок вдруг приоткрылся, словно люк. Я с изумлением понял, что, в сущности, это и есть люк, выложенный шелком, с аккуратно подрезанными краями, прикрывающий уходящую вниз шахту, тоже выложенную шелком. Край люка крепился к земле шелковой ленточкой, служившей своего рода пружиной. Уставившись на это волшебное произведение искусства, я гадал, кто мог быть его творцом. В самом туннеле ничего не просматривалось. Я потыкал стебельком – никакого ответа. Еще долго я разглядывал это фантастическое жилище, пытаюсь постичь, кто же его создал. Оса? Но я никогда не слышал, чтобы оса маскировала свое гнездо потайной дверцей. Я понял, что должен решить эту проблему безотлагательно. Надо идти к Джорджу, а вдруг он знает, что это за таинственный зверек? Я позвал Роджера, который старательно подрывал корни оливы, и быстро зашагал в другом направлении.

Я примчался на виллу Джорджа, задыхаясь, раздираемый эмоциями, постучался для вида и ворвался в дом. Только тут я понял, что он не один. Рядом с ним сидел на стуле мужчина, которого я, из-за такой же бороды, с первого взгляда принял за его брата. Однако, в отличие от Джорджа, он был безукоризненно одет: серый фланелевый костюм, жилетка, чистейшая белая рубашка, стильный, хотя и мрачноватый, галстук и большого размера, основательные, хорошо надраенные ботинки. Смущенный, я остановился на пороге, а Джордж окинул меня сардоническим взглядом.

– Добрый вечер, – приветствовал он меня. – Судя по твоему окрыленному виду, надо полагать, что ты примчался не за дополнительным уроком.

Я извинился за вторжение и рассказал Джорджу о найденных мною загадочных гнездах.

– Хвала Всевышнему, что ты здесь, Теодор, – обратился он к бородатому гостю. – Теперь я могу передать решение этой проблемы в руки эксперта.

– Ну, какой из меня эксперт... – пробормотал самоуничижительно тот, кого назвали Теодором.

– Джерри, это доктор Теодор Стефанидис, – пояснил Джордж. – Он сведущ практически в любом из заданных тобой вопросов. И из незаданных тоже. Он, как и ты, помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл.

Я вежливо поздоровался, а бородатый, к моему удивлению, встал со своего места, подошел ко мне быстрым шагом и протянул здоровую белую пятерню.

– Очень рад знакомству, – сказал он, очевидно обращаясь к собственной бороде, и бросил на меня быстрый смущенный взгляд поблескивающих голубых глаз.

Я пожал ему руку со словами, что тоже очень рад знакомству. После чего наступила неловкая пауза, во время которой Джордж с улыбочкой наблюдал за нами.

– Что скажешь, Теодор? – наконец произнес он. – И откуда же, по-твоему, взялись эти странные тайные ходы?

Тот сцепил пальцы за спиной и несколько раз приподнялся на цыпочках, отчего ботинки негодующе проскрипели. Он в задумчивости уставился в пол.

– Ну... э-э... – Слова выходили из него с взвешенной дотошностью. – Сдается мне, что это ходы пауков-каменщиков... э-э... вид, довольно распространенный на Корфу... когда я говорю «довольно распространенный», я имею в виду, что мне довелось встретить его раз тридцать... а то и сорок... за то время, что я здесь живу.

– Так-так, – покивал Джордж. – Значит, пауки-каменщики?

– Да, – сказал Теодор. – Сдается мне, что это весьма вероятно. Но я могу ошибаться.

Он еще поскрипел подошвами, встав на цыпочки, и бросил в мою сторону жадный взгляд.

– Если это не очень далеко, мы могли бы пойти и проверить, – предложил он неуверенно. – Я хочу сказать, если у вас нет других дел и это не слишком далеко... – Его голос оборвался как бы со знаком вопроса.

Я ответил, что это совсем недалеко, на холме.

– Мм, – кивнул Теодор.

– Смотри, чтобы он не утянул тебя незнамо куда, – сказал Джордж. – А то исходите вдоль и поперек все окрестности.

– Ничего страшного, – успокоил его Теодор. – Я все равно собирался уходить, сделаю небольшой крюк. Дело нехитрое... э-э... в Канони, через оливковые рощи.

Он аккуратно водрузил на голову симпатичную фетровую шляпу серого цвета. Уже в дверях он обменялся с Джорджем коротким рукопожатием.

– Спасибо за великолепный чай, – сказал он и размеренно зашагал по дорожке рядом со мной.

Я исподтишка его разглядывал. У него был прямой, красиво очерченный нос, забавный рот, прячущийся в пепельно-светлой бороде, и прямые кустистые брови над пронизательными, пытливыми, с огоньком глазами, в уголках которых собрались смешливые морщинки. Шагал он энергично, напевая что-то себе под нос. Когда мы проходили мимо канавы со стоячей водой, он на секунду остановился и вперился в нее с ошетилившейся бородкой.

– Мм, *daphnia magna*², – произнес он как бы между прочим.

Он поскреб бороду большим пальцем и зашагал дальше.

– Обидно, – обратился он ко мне. – Поскольку мне предстояла встреча... э-э... с друзьями, я не захватил с собой рюкзак натуралиста. Очень жаль. В этой канаве мы могли бы обнаружить нечто интересное.

Когда мы свернули со сравнительно ровной дорожки на каменистую козью тропу, я ждал выражения неудовольствия, но Теодор шагал за мной все с такой же неутомимой решимостью, продолжая напевать. Наконец мы оказались в тенистой роще, я подвел его к склону и указал на загадочные люки.

Он присел возле одного, глаза его сощурились.

– Ага... так... мм... так-так.

Он достал из жилетного кармана перочинный ножичек, раскрыл его и осторожно поддел люк кончиком лезвия.

– Ну да, – подтвердил он. – *Cteniza*.

Он заглянул в туннель, потом в него дунул и снова закрыл люк.

– Да, ходы пауков-каменщиков, – сказал он. – Но этот, скорее всего, необитаемый. Обычно паук вцепляется в... э-э... люк лапками или, точнее, коготками, да так цепко, что, если применить силу, можно повредить дверцу. Да... это ходы самки. Самцы их тоже проделывают, но вдвое короче.

Я заметил, что никогда не видел ничего подобного.

– О да, – сказал Теодор, – очень любопытные существа. Для меня загадка, как самка понимает, что приближается кавалер.

Видя мое озадаченное лицо, он приподнялся на носочках и продолжил:

– Самка ждет в своем убежище, когда мимо проползет какое-нибудь насекомое – муха, или кузнечик, или еще кто-то. И похоже, точно знает, что кто-то совсем рядом. Тогда она... э-э... выскакивает из люка и хватает жертву. Ну а если приближается паук в поисках самки... почему, спрашивается, она... э-э... не пожирает его по ошибке? Возможно, его шаги звучат по-другому. Или он... издает особые звуки... которые она улавливает.

Мы спустились с холма в молчании. Вскоре мы дошли до развилки, и я стал прощаться.

– Ну что ж, всего доброго, – сказал он, разглядывая свои ботинки. – Приятно было с вами познакомиться.

Мы молча постояли. Как позже выяснилось, при встрече и при прощании Теодора всегда охватывало сильное смущение. Наконец он протянул ладонь и торжественно пожал мне руку.

– Прощайте. Я... э-э... надеюсь, что мы еще увидимся.

Он развернулся и стал спускаться, размахивая тростью и пристально поглядывая вокруг. Я проводил его взглядом и зашагал домой. Теодор одновременно поразил меня и озадачил. Во-первых, как признанный ученый (одна борода чего стоит) он для меня много значил. Собственно, я впервые встретил человека, разделявшего мой интерес к зоологии. Во-вторых, мне страшно льстило, что он ко мне отнесся так, словно мы с ним были одного возраста. Домашние тоже не разговаривали со мной снисходительно, а к тем, кто так поступал, я относился с неодобрением. Но Теодор говорил со мной не только как со взрослым, но и как с равным.

Меня не отпускал его рассказ про паука-каменщика. Сама идея, что самка прячется в шелковистом туннеле, держит дверцу на запоре своими кривыми лапками и вслушивается в передвижения насекомых по мху у нее над головой. Интересно, какие звуки до нее долетали? Я могу себе представить, как шумит улитка – словно треск отрываемого лейкопластыря.

---

² Большая дафния (*лат.*) – вид ракообразных семейства дафнид.

Сороконожка – это взвод кавалерии. Муха совершает быстрые перебежки с паузами на то, чтобы помыть передние лапки – такой глуховатый вжик, как при работе точильщика ножей. Большие жуки, решил я, должны быть похожи на едущий паровой каток, а маленькие, вроде божьих коровок, возможно, урчат, как отлаженный автомобильный мотор. Заинтригованный этими мыслями, я шагал через погружающиеся в сумерки поля, спеша рассказать домашним о моей находке и о знакомстве с Теодором. Я надеялся снова его увидеть, так как у меня к нему было много вопросов, но я понимал, что едва ли у него для меня найдется свободное время. Однако я ошибся. Спустя два дня Лесли, вернувшись с прогулки в город, вручил мне небольшую бандероль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.